

Письма к подруге

Автор:

Фаина Раневская

Письма к подруге

Фаина Георгиевна Раневская

Сокровенные мемуары

Уникальный, без преувеличения исторический материал! Где, как не в письмах к своим близким мы можем полностью раскрыться и быть самими собой?

В письмах к подруге Эсфири Ицкович, живущей в Баку, Раневская была совершенно искренна. Во-первых, они очень давно знали друг друга и между ними царил полное доверие. Во-вторых, в юности мечтавшая стать актрисой, Эсфирь интересовалась всем, что происходило в мире театра. С ней Раневская могла быть полностью откровенной, поскольку знала, что все сказанное между ними между ними и останется. У Фаины Раневской было мало близких друзей. Кроме того, большинство ее друзей принадлежали к актерскому миру и с ними можно было откровенничать далеко не на все темы.

Письма охватывают период с 1931 по 1974 год. Читая их, мы словно проживаем вместе с великой актрисой ее такую нелегкую и такую яркую жизнь. Ее мысли и планы, ее достижения и разочарования, отношение к разным людям... Каждое письмо является своеобразным откровением. Такой Раневской вы еще не знали!

Фаина Раневская

Письма к подруге

От редакции

Фаина Георгиевна Раневская и Эсфирь Соломоновна Ицкович познакомились в далеком 1905 году, когда одиннадцатилетняя Эсфирь вместе с родителями приезжала в Таганрог. Ее отец, нефтепромышленник и коммерсант Соломон Ицкович, был компаньоном отца Фаины Гирша Фельдмана.

Девочки подружились. Пожалуй, не подружиться они и не могли, поскольку у них было много общего. Почти ровесницы. Обе были застенчивыми мечтательницами и грезили о сцене, несмотря на свои физические недостатки – Фаина сильно заикалась, а у Эсфири от рождения левая нога была немного короче правой, отчего она заметно прихрамывала. Как оказалось, и в будущем у них жизнь сложилась схоже – обеим судьба уготовила одиночество.

Заветная мечта сбылась только у Фаины. Эсфирь оставила мечты о сцене и стала бухгалтером. Октябрьская революция надолго прервала их дружбу. Они потеряли друг друга в водовороте событий на несколько лет. Фаина думала, что Эсфирь с семьей уехала за границу (из Баку в то время было несложно перебраться в Персию), а Эсфирь думала то же самое о Фаине.

Но обе они остались в Советском Союзе в отрыве от своих семей (еще одно сходство между ними). Эсфирь жила в родном Баку, а Фаина кочевала по стране, переходя из труппы в труппу. В 1925 году судьба занесла ее в Бакинский рабочий театр. Побывав на одном из спектаклей, Эсфирь узнала Фаину, и их былая дружба возобновилась.

Они жили в разных городах (Раневская в начале тридцатых осела в Москве) и переписывались. Переписывались долго, более сорока лет, вплоть до отъезда Эсфири Соломоновны в Израиль. Последнее сохранившееся письмо Фаины Раневской датировано маем 1974 года.

Раневская делилась с подругой детства самым сокровенным. Эсфирь Соломоновна, так и не ставшая актрисой, жадно интересовалась столичными театральными новостями, а Фаина Георгиевна могла писать ей обо всем без утайки, потому что знала – все написанное останется между ними.

К сожалению, до нас дошла только часть писем великой актрисы. После смерти Эсфири Соломоновны, которая скончалась в 1986 году в израильском городе Холоне, ее домашний архив – письма, документы и фотографии – долгое время хранился у дальних родственников. Они иногда рассматривали фотографии, но писем не читали. Часть архива пришла в негодность – отсырела во время аварии водопровода – и была выброшена. Какое сокровище хранится в старой картонной коробке, выяснилось лишь в 2014 году благодаря правнучке двоюродного брата Эсфири Соломоновны. Она решила написать историю своего рода, обратилась к семейным архивам и прочла сохранившиеся письма.

Письма Фаины Раневской были предоставлены для публикации нашему издательству при условии сохранения в тайне имен их нынешних владельцев.

В одном из израильских издательств готовятся к выпуску письма великой актрисы, переведенные на иврит, но наше издание является первой их публикацией.

Письма Фаины Раневской

21 декабря 1931 года

Здравствуй, милая моя Фирочка!

Вчера была премьера «Патетической сонаты»! Уж и не верила, что доживу до этого дня, но дожила! Ты не представляешь, как я счастлива! То и дело щиплю себя, чтобы убедиться, что я не сплю. Все руки в синяках от этих щипков. Павла Леонтьевна[1 - Вульф Павла Леонтьевна (1878–1961) – русская актриса, заслуженная артистка РСФСР (1927), наставница и ближайшая подруга Фаины Раневской.] смеется надо мной и говорит, что с ней когда-то тоже было нечто подобное, в Одессе, у Долинова[2 - Долинов Анатолий Иванович (настоящая фамилия Котляр; 1869–1945) – русский актер, режиссер, литератор. Держал антрепризу в Одессе в 1902–1906 годах, в начале двадцатых годов прошлого века эмигрировал в Германию.]. Но разве труппу Долинова можно сравнить с Камерным театром?! Я хожу и пою: «Ка-мер-ный те-а-а-атр! Ка-мер-ный те-а-а-атр! Я слу-жу в Ка-мер-ном те-а-а-атре!» Ты же знаешь, как я об этом мечтала!

Я рада безмерно, а Павла Леонтьевна рада больше моего. Если бы ты только слышала, сколько комплиментов наговорила она мне вчера после спектакля. Разве что только «второй Комиссаржевской»[3 - Комиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910) – знаменитая русская актриса конца XIX – начала XX века.] не назвала. Мы так радовались, что потом даже немножко поплакали. У нас так всегда – как сильно радуемся, так начинаем вспоминать и непременно плачем.

Ах, Фирочка, если бы ты только слышала, как мне вчера аплодировали! Кричали «браво», а кто-то из задних рядов даже крикнул: «Зинка – молодчина!» Да, милая моя, нравы сильно изменились. Теперь в столичном театре можно выражать свой восторг подобными криками. Хорошо еще, что не свистят, как случилось в вашем рабочем театре[4 - Имеется в виду Бакинский рабочий театр, в котором Фаина Раневская служила в 1925–1926 годах.].

Я ужасно трусила. Боялась лазить по декорациям. На сцене построили целый дом, моя Зинка жила на самом верху, а я ужасно боюсь высоты, да и конструкция получилась весьма хлипкой, того и гляди развалится. Спасение только в том, чтобы не смотреть вниз, как только посмотрю, так сразу же начинает кружиться голова. Признаюсь тебе честно, что я таких новшеств не понимаю. Но Таиров[5 - Таиров Александр Яковлевич (настоящая фамилия Корнблит; 1885–1950) – создатель и бессменный художественный руководитель (1914–1949) Камерного театра.] всякий раз должен сделать нечто особенное, иначе за постановку браться не станет. Придется привыкать.

Здесь вообще ко многому приходится привыкать. Пока шли репетиции, я не хотела писать тебе о театре. Зачем писать, если я каждый день ждала, что меня прогонят прочь? У Таирова строгие порядки. Если он поставит на человеке крест, так это навсегда. Недавно ушла одна актриса, пробывшая в труппе чуть больше моего. Таиров решил, что она «безнадежна» (это его любимое слово), и расстался с ней. Я боялась, что то же самое произойдет со мной. Теперь уже не боюсь. Вчера после спектакля он сказал мне: «Я в вас не ошибся». Это для меня как орден. Высшая награда. Это означает, что он меня принял и я буду играть в Камерном театре. Безмерно благодарю судьбу за то, что она свела меня с Алисой Георгиевной[6 - Коонен Алиса Георгиевна (1889–1974) – актриса, народная артистка РСФСР (1935), жена Александра Таирова и прима Камерного театра. Из воспоминаний Нины Станиславовны Сухоцкой, подруги Фаины Раневской и племянницы Алисы Коонен: «1910 год. Крым. Евпатория. Жаркие летние дни. В большом тенистом саду белый, увитый виноградом одноэтажный домик. Здесь

живет с семьей доктор Андреев – главный врач недавно открывшегося туберкулезного санатория. Каждое утро из дома выходят две девочки – дочери Андреева – и с ними сестра его жены – молодая актриса Художественного театра Алиса Коонен, приехавшая в отпуск. Все трое знают, что у калитки в сад, как всегда, их ждет обожающая Алису Коонен Фаина – девочка-подросток с длинной рыжеватой косой, длинными руками и ногами и огромными лучистыми глазами, неловкая от смущения и невозможности с ним справиться... Девочка эта – Фаина Раневская. Актриса, которую она обожает и ради встреч с которой приехала в Евпаторию, – Алиса Коонен. Обняв Фаину, Алиса направляется к морю, за ними – в больших соломенных панамках, как два грибка, – идут девочки. Это я и моя старшая сестра Валя, тоже «обожающая» свою молодую тетю Алю и ревнующая ее к Фаине. Мне в то время было четыре года, Фаине – пятнадцать лет. Не могла я тогда догадываться, что это знакомство перейдет в большую, пожизненную дружбу. После тех евпаторийских встреч я в течение ряда лет лишь изредка встречала ее у моей тетки Алисы Коонен, но эти дни живо сохранились в памяти» (Н.С. Сухоцкая. «Воспоминания об А.Я. Таирове». РГАЛИ).]. Без ее помощи я никогда бы не попала сюда. Таиров невероятно разборчив (и так же невероятно придирчив). У московских актеров еще есть шанс обратить на себя его внимание успехом в какой-нибудь постановке, но у провинциальной актрисы таких шансов нет. Где бы Таиров мог увидеть меня? На какой сцене? Алиса Георгиевна – моя благодетельница. Я ей безгранично обязана, но все же должна отметить разницу между ней и Павлой Леонтьевной. Я ожидала, что она станет моей советницей и наставницей, как Павла Леонтьевна. Я вправе была этого ожидать, ведь мы столько лет знакомы, а в Камерном многое не так, как в других театрах. Я нуждалась и продолжаю нуждаться в советах, но Алиса Георгиевна ничего мне не советует, только говорит «хорошо» и «не очень хорошо» (это заменяет у нее слово «плохо»). Учит меня только Таиров, но он строгий, и я его боюсь. Лишний раз не переспросишь, если что-то осталось непонятным. К другим актерам за советом лучше не обращаться. Одна только Ниночка[7 - Сухоцкая Нина Станиславовна, упоминавшаяся в предыдущем комментарии, была актрисой Камерного театра.] (ты должна ее помнить, это племянница А.Г.) иногда выручает. Многим она помочь мне не может, потому что опыта у нее маловато, но благодаря ей я хотя бы знаю, кто где сидит в здешней синагоге[8 - Выражение, смысл которого можно передать как «знаю здешнюю обстановку, знаю, кто с кем дружит и кто с кем враждует».], и первую роль в театре я тоже получила благодаря ей. Это она убедила Таирова в том, что я смогу сыграть проститутку Зинку. А то просидела бы я без роли до следующей постановки. Ты только представь – я играю Зинку, Алиса Георгиевна играет девушку Марину, и мы вместе влюблены в одного парня! Мы – соперницы! Я соперничаю с самой Коонен, пусть даже только по

ходу действия! Павла Леонтьевна предостерегает меня от того, чтобы я не слишком «увлекалась», как она выражается, чтобы не «заслоняла Солнце», то есть не затмевала бы на сцене Алису Георгиевну. Мне смешно! Ну как могу я «заслонить» саму Коонен? Павла Леонтьевна безмерно любит меня и потому сильно преувеличивает мои способности. Мне хотя бы близко подойти к Коонен, не сейчас, а через несколько лет, и я была бы счастлива!

Я надеюсь, что когда-нибудь мы приедем на гастроли в Баку или твой трест командирует тебя в Москву, и ты сможешь своими глазами увидеть меня на одной сцене с Алисой Георгиевной.

Павла Леонтьевна кланяется тебе. Она тоже довольна своей работой в Камерном[9 - Павла Вульф в то время преподавала в школе Камерного театра.]. Мне жаль, что она оставила сцену, и я уговариваю ее вернуться. Павла Леонтьевна смеется и говорит, что ей надо «пересидеть» в преподавателях до тех пор, пока она не сможет играть возрастные роли. Павла Леонтьевна продолжает считать, что из-за своего возраста она уже не может исполнять роли героинь и инженерю, и у меня пока не получается ее переубедить. Чего только я не пробовала, каких только примеров не приводила. «Вот, – говорю, – Екатерина Гельцер[10 - Гельцер Екатерина Васильевна (1876–1962) – русская балерина, звезда советского балета двадцатых годов прошлого века, народная артистка РСФСР (1925). Дружила с Фаиной Раневской. Сценическая карьера Гельцер длилась невероятно долго для балерины, она выходила на сцену еще в начале сороковых годов.] ваша ровесница, а танцует и как танцует!» Но Павла Леонтьевна упрямится. Я знаю, в чем причина ее упрямства. Тата[11 - Иванова Наталья Александровна (домашнее прозвище Тата) много лет вела хозяйство у Павлы Вульф и считалась не домработницей, а членом семьи.] рассказала мне по секрету, что в Махачкале[12 - В 1929 году Павла Вульф работала актрисой и режиссером в Дагестанском государственном академическом театре.] один мерзавец сказал Павле Леонтьевне, что никакой грим не в силах скрыть возраст. Ты только вообрази – бросить женщине, актрисе, в лицо такие слова! О как я жалею, что не присутствовала при этом. Я бы вырвала его грязный язык и выцарапала бы ему глаза. Тата назвала мне его фамилию, и если когда-нибудь я его встречу, то ему несдобровать. Но я могу свирепствовать в мыслях сколько угодно – горю Павлы Леонтьевны этим не помочь. Гнусные слова совпали с ее собственными мыслями. Она и сама подумывала о том, чтобы оставить сцену, но не решалась. А тут решилась. Ты бы только видела, какими глазами она смотрит на сцену! Сколько трагизма в этом взгляде! Я подговорила Тату, и теперь мы с ней вместе пытаемся повлиять на Павлу Леонтьевну. Надо будет втянуть в наш «заговор» и Ирину[13 - Анисимова-Вульф Ирина Сергеевна (1907–1972) – дочь

Павлы Вульф.]. Втроем-то мы наверняка справимся.

Как ты, милая моя? Твой противный директор по-прежнему треплет тебе нервы или уже приутих? Что сейчас идет в вашем театре? Пиши мне обо всем, только, умоляю тебя, не надо писать о С., да еще и в такой драматической форме. Кстати, милая, имей в виду, что у тебя есть литературные задатки. Ты умеешь так сгустить краски, что слезы на глаза наворачиваются. Попробуй написать пьесу. Если главная роль будет подходить мне, то я покажу твою пьесу Таирову. Я шучу про пьесу. Разве же я осмелюсь прийти к нему в кабинет и сказать: «Вот пьеса, которая мне понравилась и в которой я хочу играть главную роль»? Я шучу, потому что у меня веселое настроение и мне хочется шутить не переставая. Но про твои способности не шучу. Ты умеешь управляться не только с цифрами, но и с буквами.

Целую тебя, подруга дней моих суровых, голубка юная моя!

Твоя Фаня.

PS. Я не случайно помянула голубку. Дело в том, что Таиров подумывает ставить спектакль по «Египетским ночам»[14 - «Египетские ночи» - незавершенная повесть Александра Пушкина. Спектакль «Египетские ночи», в который, помимо фрагментов пушкинской повести, вошли фрагменты «Цезаря и Клеопатры» Бернарда Шоу и «Антония и Клеопатры» Уильяма Шекспира, был поставлен Таировым в 1934 году. Фаина Раневская к тому времени давно уже покинула труппу.]. Об этом я узнала от Ниночки. Сразу же перечитала повесть, выискивая роль для себя и, одновременно, думая о том, как ее можно было бы продолжить. Ты только подумай - дописать то, что не успел дописать Пушкин! Какое кощунство! Но тем не менее я его совершила. Осмелела настолько, что представила себя в роли Клеопатры, которую, вне всякого сомнения, будет играть Коонен. Я - царица-соблазнительница! Смешно! Анекдот! Чушь! Я гожусь лишь на то, чтобы в меня влюблялись пожилые семейные мужчины. Но иногда хочется помечтать о чем-то таком, несбыточном.

15 апреля 1932 года

Здравствуй, Фирочка!

Прости, что долго не писала. Не было настроения писать. И сейчас бы не стала, если бы не праздник. Кошерного тебе Пейсаха, милая моя! Пусть радость и счастье всегда будут с нами!

Вспомнила сейчас, как праздновали праздники у нас дома, и грусть моя стала еще сильнее. Ты меня понимаешь. Но ты еще не знаешь, что со мной стряслось. Большое облако дало маленький дождь, вот что. Было столько надежд, но спектакль, в котором я играла Зинку, сняли с репертуара. Навсегда. Таиров чувствует себя как шадхен[15 - Шадхен – еврейский сват. «Чувствовать себя как шадхен, который сосватал двух парней» означает: «чувствовать, что совершил большую ошибку».], который сосватал двух парней. Ходит мрачнее тучи, на днях накричал на Алису Георгиевну. Представь себе! Накричал при свидетелях! Обычно с ней он держится очень любезно. Стоит только побывать на одной репетиции, и сразу же становится ясно, кто на самом деле в их семье главный. Но Алисе Георгиевне хватает ума для того, чтобы не выпячивать на людях свое главенство. Она тоже сильно нервничает. Все нервничают. В Камерном репетируют подолгу, готовят солидные декорации, шьют костюмы к каждой постановке. Если потрачено столько труда и столько средств, то хочется получить хорошую «прибыль». Я не о деньгах, ведь у нас советский театр, я о славе и обо всем прочем, что к ней прилагается. Такая была пьеса, такой был спектакль, такая была роль... Поверишь, милая моя, я к этой Зинке привыкла, как к близкой подруге. Спектакль сняли, и у меня такое впечатление, будто подруга у меня умерла. Понимаю, что жизнь на этом не закончится, что будут новые роли, но все равно очень жаль. Такая потеря.

Мне не везет с проститутками. Как играю проститутку, так спектакль снимают. В Баку была Манька, в Москве Зинка. Решила, что впредь не стану больше играть проституток. Это какое-то проклятье на мою бедную голову. От такой жизни седых волос становится все больше и больше. Ты думаешь, что это все? Ох, Фирочка, далеко не все. Есть же такая примета – кто потерял кошелек, тот непременно еще что-нибудь потеряет. Две недели назад Ниночка сказала мне, что режиссер Кулешов[16 - Кулешов Лев Владимирович (1899–1970) – известный советский кинорежиссер, сценарист, теоретик искусства.] ищет характерных актеров для своей новой картины из американской жизни. Я съездила к Кулешову на Межрабпомфильм[17 - Ныне – киностудия имени Горького.]. Почему бы не сняться в картине, пока я жду роли. Ниночка, у которой в знакомых ходит половина Межрабпомфильма, рассказала мне, сколько там платят артистам. Тебе, Фирочка, признаюсь честно, что я отправилась к Кулешову не ради искусства, а ради денег. Посмотреть на него тоже хотелось, потому что здесь, в Москве, как только заходит речь о кино, так все сразу же начинают вспоминать

Кулешова с Эйзенштейном[18 - Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948) – известный советский режиссер театра и кино, художник, сценарист, теоретик искусства.] и ахать. Обронить небрежно где-нибудь на людях: «Я знакома с Кулешовым», это уже что-то вроде рекомендации. Я столько лет моталась по провинции, что совершенно отстала от жизни и не имею никаких полезных знакомств. Надо наверстывать. Часто вспоминаю, как Екатерина Васильевна[19 - Гельцер. См. примеч. 2 на с. 11.] уговаривала меня не уезжать из Москвы с антрепризой Лавровской. Все мне предлагала – живи у меня сколько хочешь на всем готовом, только не губи свою жизнь, не отказывайся от столичной сцены. Но мне тогда казалось, что в провинции я прославлюсь быстрее, чем в Москве, да и неловко было состоять в нахлебницах у моей доброй Екатерины Васильевны. Вот и уехала. Иногда думаю, что правильно поступила, иногда, что нет, но что уж теперь, снявши голову, плакать по волосам. Теперь вот набираюсь столичного лоска.

Кулешов принял меня хорошо, но снимать отказался. Сразу же сказал, что для его новой картины я не подхожу. В глазах у него при этом явственно читалось: «Вы, милочка, вообще для кино не годитесь». Он смотрел на меня так, как доктор с раввином смотрят на умирающего. У меня от всех этих театральных переживаний порядком расстроились нервы, и я повела себя, как последняя дура. Расплакалась прямо в кабинете у Кулешова, начала жаловаться на жизнь и просила дать мне хоть какую-нибудь рольку. Ты, Фирочка, знаешь, что подобное поведение мне не свойственно. Но тут на меня что-то нашло, случилась такая вот истерика. Кулешов меня успокоил, дал попить водички, а затем очень участливо спросил, умею ли я печатать на машинке. Если умею, то он может устроить меня на Межрабпомфильм, им нужны машинистки. Ты только представь себе эту сцену, достойную чеховского пера! Дура-актриса приходит на киностудию, устраивает там истерику, пытаюсь разжалобить режиссера, а тот советует ей идти в машинистки! Прямо хоть сама садись и пиши рассказ. Но мне не хватало еще этой болячки – заняться писательством. Если я когда-нибудь и возьмусь за перо, то только для того, чтобы написать книгу о Павле Леонтьевне. В моей памяти хранятся все ее рассказы о себе. Бывает так, что она что-то забудет, а я сразу подсказываю: «В таком-то году вы там-то играли у того-то...» За это она называет меня «живой энциклопедией русского театра». Вот, вспомнила сейчас и улыбнулась – ну какая же из меня энциклопедия? Улыбнулась в первый раз за много дней.

О таких мелочах, как то, что я чуть было не сломала ногу, когда спускалась по лестнице, я писать не стану. Не сломала – и хорошо, должно же быть в жизни хоть что-то хорошее. Весна в этом году дрянная – сырая, холодная, неудобная.

Представляю, как хорошо сейчас у вас в Баку, и завидую тебе. Я вообще тебе часто завидую, потому что ты далека от того мира, в котором живу я. Знаешь, Фирочка, я с момента нашей встречи хотела сказать тебе кое-что, но все никак не находилась подходящий момент. А вот сейчас я напишу. Милая моя! Не переживай из-за того, что ты не стала актрисой. Вот честно тебе говорю – не переживай. Актерский хлеб замешан на горчице и только сверху слегка присыпан сахаром. Лизнешь разок – сладко, а в другой раз уже горько. Зрители приходят в театр за праздником, и они видят то, за чем пришли. Спектакль! Аплодисменты! Улыбки! Цветы! Кажется, что вся актерская жизнь – сплошной праздник. Я уже не раз рассказывала тебе, какой это «праздник». Совсем недавно мне аплодировали и даже дарили цветы. А что сейчас? Если кто-то из тех, кто восхищался моей игрой, встретит меня сегодня на улице, то не узнает. Скажет: «Что за лахудра идет?» Меня на днях актер Аркадин[20 - Аркадин Иван Иванович (1878–1942) – актер театра и кино, преимущественно игравший комические роли. Служил в Камерном театре в 1914–1938 годах.] обозвал «лахудрой». В шутку, не желая обидеть, но я все равно обиделась. В театр бегу каждое утро, как сумасшедшая, как нищий на ярмарку. Тороплю Павлу Леонтьевну, не даю ей спокойно выпить чаю. От спешки иной раз забываю причесаться. Написала «как нищий», а ведь я и есть нищая, потому что сижу без ролей. В театр прихожу первой и ухожу последней – вдруг Таирову срочно понадобится актриса на замену, а я тут как тут. Сижу на репетициях (сейчас репетируют мало, только если Таиров что-то меняет в спектаклях из репертуара), часто бываю на уроках Павлы Леонтьевны. Восхищаюсь ее терпением. Она будет сто раз объяснять и показывать одно и то же, пока не убедится, что ученики все поняли. Причем все эти разы будет доброжелательной. У меня бы не хватило терпения.

В театре с недавних пор идет спектакль «Линия огня». Стройка, сознательные и несознательные рабочие, борьба за выполнение производственного плана и т. п. Очень похоже на «Цемент»[21 - «Цемент» – роман советского писателя Федора Гладкова, один из первых советских производственных романов, классическое (образцовое) произведение социалистического реализма. Впервые был опубликован в 1925 году и часто переиздавался в СССР.]. Я придумала для себя роль в этой пьесе – неграмотную суеверную бабу, которая говорит несколько смешных реплик. Вспомни портниху Дарью Осиповну, образ я срисовала с нее и назвала ее же именем. Павла Леонтьевна одобрила мою задумку, сказала, что получилось смешно. Теперь ломаю голову над тем, как показать мою Дарью Осиповну Таирову. Нужен удобный момент. Не могу же я заявиться к нему и сказать: «Я тут роль себе придумала, назначьте репетицию». Он крайне щепетилен во всем, что касается сцены, и вдруг я, которая без году неделю

провела в труппе, сунусь к нему с таким предложением. Вот если бы зашло обсуждение спектакля, то можно было бы высказать свое мнение, с оговорками высказать, деликатно. «Мне кажется, что в этой сцене...» И будто бы сымпровизировать. Таиров высоко ценит импровизаторские способности, и у него на каждом шагу импровизируют. Дома отрепетируют, а потом выдают за импровизацию. Я попросила Ниночку завести при Таирове разговор про «Линию огня». Ей, как племяннице Алисы Георгиевны, то есть – родственнице, дозволяется высказывать то, что не позволено другим. А если не выйдет, то я приду к Таирову, но разговор начну не с моей Д.О., а с того, что мне неловко есть хлеб даром. Зарплату же мне платят, правда только голую ставку (это немного). А раз платят, так я же должна ее отрабатывать.

Меня, Фирочка, избаловала моя жизнь. У меня всегда были роли, я играла часто, много. С тех пор, как я поступила на сцену, у меня не было такого вот простаивания без ролей. Чувствую себя как пьяница, которому не дают водки. Думаю только о сцене, ни о чем больше не могу думать. По ночам мне снится Зинка. Как будто я сижу в зале и смотрю на сцену, где сама же и играю. Сама себе аплодирую. Где же еще сама могу себе поаплодировать? Утром просыпаюсь и плачу. Самое обидное заключается в том, что все произошло без серьезной причины. Но вышло так, как вышло. Как гром среди ясного неба. Когда сразу начинают ругать, это еще полбеды. Но когда вначале хвалят, а потом вдруг убивают наповал, то это в сто раз больнее. Я уже воспарила ввысь на крыльях моей недолгой славы, потому что несколько раз встретила свое имя в газетах. Я мечтала, я надеялась, я была сама не своя от счастья... И вдруг меня облили из ведра холодной водой, чтобы я протрезвела и вернулась с небес на грешную землю. Теперь живу и думаю о том, что мне далеко не семнадцать, а я все еще никто. Я ничего толком не сделала, а ведь столько лет топчусь на сцене! Чувствую, что не имею права на то, чтобы называть себя «актрисой». Актриса без ролей! Анекдот! Вот Павла Леонтьевна или Алиса Георгиевна – актрисы. Скажу тебе честно, Фирочка, я очень боюсь, что Таиров недоволен тем, как я играю. Иначе бы он дал бы мне роли в тех спектаклях, которые сейчас идут. Это обычное дело, когда две актрисы играют по очереди одну и ту же роль. Но я пока ничего не получила. Душа болит, если бы ты знала, милая моя Фирочка, как болит душа.

А теперь скажи мне, положи руку на сердце, стоит ли мне завидовать? Это я должна тебе завидовать. Ты – человек при деле. Тебе не надо было кочевать по всей стране. У тебя хорошая, спокойная работа. Тебя уважают и ценят. Еще бы не ценили такую идише коп[22 - Идише коп – еврейская голова (идиш)]. Письма Фаины Раневской написаны на русском языке, но включают отдельные слова,

написанные на идише.]] Спокойная работа, спокойная жизнь, уверенность в завтрашнем дне – что еще нужно человеку для счастья? Знаешь, милая, если бы я не была бы отравлена сценой (а я ею отравлена на всю жизнь), то махнула бы рукой на все, приехала бы в Баку и устроилась бы к вам в трест машинисткой. Возможно, даже вышла бы замуж за С. (Умоляю тебя, не передай ему случайно эти мои слова, ведь это же не человек, а порох, он вспыхивает от одной-единственной искры!)

Но я отравлена сценой, поэтому могу только завидовать твоей спокойной жизни. Милая Фирочка, если ты долго не получаешь от меня писем, то не думай, пожалуйста, будто я о тебе забыла. Знай, что я просто пребываю в меланхолическом настроении, а в таком настроении не всегда хочется писать письма. А ты мне пиши, даже если я долго не отвечаю. Каждая весточка от тебя все равно что луч света в темном царстве. Всякий раз, когда получаю от тебя письмо, радуюсь невероятно.

Целую тебя, моя милая.

Твоя Фаня, актриса погорелых театров.

15 февраля 1933 года

Здравствуй, милая моя Фирочка!

Сильно расстроилась, когда прочла твое письмо. Это же надо иметь такое счастье, чтобы на юге, при вашей-то погоде, заболеть воспалением легких! Но хорошо хоть, что не чем-то похуже. Рада тому, что ты уже идешь на поправку. Я так соскучилась по тебе, милая моя подруга. И по Баку я с удовольствием прогулялась бы, и в театре моем бывшем побывала бы, но что толку мечтать о Кракове, когда в кармане нет ни гроша.

Мое положение по-прежнему остается неопределенным. Ты представить не можешь, как я устала от этой неопределенности, от безделья и от безденежья. Уж лучше бы меня выгнали вон пинками, чем вот так мыкаться. Каждый день просыпаюсь с надеждой – вдруг сегодня получу роль, и каждый вечер засыпаю в полном разочаровании. Нет ничего. По-прежнему нет ничего. Мне даже замен не дают. Мне не указывают на дверь, воспитанные же люди, и, кроме того, я не

совсем чужая, но в то же время делают все, чтобы я ушла сама. Я уже несколько раз собиралась сказать Таирову, что я уйду, но в последний момент отказывалась от своего намерения. Духу не хватало. В голове начинала свербеть мысль – а вдруг завтра я получу роль? Столько ждала, почему бы не подождать еще немного?

А сколько можно ждать? Скажи мне, милая, как человек, далекий от закулисной жизни, – сколько, по-твоему, может ждать актриса, которой в театре не дают ролей? Год? Два? Десять лет? А как жить? А на что жить? Мне, как не занятой ни в одном спектакле, платят жалкие гроши. Мне милостыню подают, Фирочка, а не зарплату платят. Чтобы не сидеть на шее у моей доброй Павлы Леонтьевны, пытаюсь искать какие-то случайные заработки. Заработаю рубль, а подметок стопчу на три. Так и живу.

Актриса во мне медленно умирает от сознания собственной ненужности. Сцена – жизнь моя, и я отлучена от нее. Вот сейчас пишу тебе это письмо и даю себе слово уйти завтра же. Но знаю наперед, что утром передумаю, скажу себе: «Ты что? Это же Камерный театр, в который ты стремилась столько лет! Это сцена, о которой ты столько лет мечтала! Обрато ты вернуться не сможешь. Успокойся! Подожди еще немного! Рано или поздно будет тебе роль! Не отчаивайся!» «Не отчаивайся, рано или поздно будет тебе прибыль!» – говорил мой отец своим приятелям, когда тем не везло в делах. А вечером, за ужином, он говорил матери: «У дурака – убыток, у умного – прибыль». Вот я и думаю – может, я тоже дура? Может, нет у меня никакого таланта? Или его ровно столько, сколько нужно для провинциальной сцены? А на столичную, да еще и в Камерный театр я напрасно сунулась? Села не в свои сани? Мучаюсь невероятно, терзаюсь сомнениями, а посоветоваться не с кем. Павла Леонтьевна не может ничего посоветовать. Она только утешает меня, уговаривает набраться терпения. Ниночка тоже утешает, ссылается на особенности Камерного театра и «непростую обстановку». Обстановка всегда непростая, что с того? Или она непростая только для меня? Ох, не знаю... Чувствую себя кошкой, которая ходит вокруг подвешенной к потолку рыбы. И не достать, и уйти жалко – вдруг рыба упадет. Самое страшное то, что я не знаю, куда мне идти. Ирочкин Юра[23 - Речь идет о режиссере Юрии Александровиче Завадском (1894–1977), который одно время был мужем Ирины Анисимовой-Вульф. В 1932–1935 годах Завадский возглавлял Центральный театр Красной Армии.] зовет меня к себе, но я не могу решиться сменить театр, о котором я мечтала полжизни, на черт знает что. У Юры в театре тоже все непонятно. Сегодня скажут одно, а завтра – другое. Но если уж решусь уйти, то уйду к нему. Других вариантов у меня сейчас нет, к тому же Юру я довольно хорошо знаю. Кстати, Юра и Павлу Леонтьевну тоже

зовет, но она все не решается. Но Павла Леонтьевна – бриллиант, ее любой режиссер возьмет с радостью, а кто такая я? Очень горько думать, что Юра зовет меня только из жалости. Ненавижу, когда меня жалеют. Это, наверное, потому что в детстве меня никто не жалел, кроме нашей кухарки. Но Юра обещает сразу же дать мне роли, а ради того, чтобы вернуться на сцену, я готова на все. Ох, не знаю, ничего я не знаю. К гадалке ходила, поверишь ли? Чтобы я да пошла к гадалке? Только зря деньги потратила. Эта дура раскинула карты и начала вещать о том, что скоро я встречу короля треф, который сделает меня счастливой. А я же ей конкретный вопрос задала – уходить мне из театра или нет?

Таиров с момента закрытия «Сонаты» не ставит ничего нового. Вот в этом, милая моя, вся загвоздка. Я говорю себе: «Вот возьмется Таиров ставить что-то и даст мне роль, надо подождать». Сам Таиров говорит, что никак не может найти подходящей пьесы. После неудачи с «Сонатой» ему нужна такая пьеса, которая всем понравится. Что-то революционное, содержательное и заведомо проходное. Но, с другой стороны, в театре только я одна болтаюсь без дела. У всех остальных есть роли.

Нет, милая моя, я все же уйду и уйду очень скоро. Вот, пока писала тебе это письмо, обдумала все еще раз (в сотый, наверное, раз!) и поняла, что надо уходить как можно скорее и уходить тихо, не хлопая на прощанье дверями. Боже упаси меня хлопнуть дверями! Никто не виноват, что так получилось. Скажу тебе честно, что если бы я была на месте Алисы Георгиевны и какая-то шикса[24 - Шикса (идиш) – девушка-нееврейка. Употребляется также в оскорбительном значении.], которую из милости взяли в труппу, попыталась бы, пусть и сама того не желая, со мной соперничать, я бы поспешила от нее избавиться. Или бы не стала избавляться? Ох, не знаю. Я же не на месте Коонен нахожусь, а на своем собственном.

Мне горько и обидно. Столько было надежд! Так хорошо все начиналось! Я думала: вот награда за годы моих скитаний по стране. Ах, Фирочка, ты не поверишь, если узнаешь, как высоко я возносилась в своих мечтах! Выше неба и звезд! Наверное, за это судьба меня и наказала. Не возносись, и не будешь проклята!

На память о моей Зинке у меня остались афишки, несколько газетных вырезок и фотография. Помнишь, я говорила, что Павла Леонтьевна ругает меня за то, что я не делаю себе альбома. Состарюсь, захочется вспомнить, а ничего под рукой

не будет. Вот я и решила наконец-то завести альбом. Даже купила альбом, красивый, в кожаном переплете. Подарила его потом Ниночке на день рождения и радовалась, что ничего не успела в него наклеить. Хорош бы получился альбом с одной-единственной ролью.

Буду заканчивать, Фирочка. Прости меня за то, что я написала тебе такое тяжелое письмо. Людям, которые приходят в себя после тяжелой болезни, полагается писать веселые письма. Я бы с огромным удовольствием написала бы тебе такое письмо, если бы могла. Но не могу.

Выздоровливай поскорее, милая моя, и не переживай о том, что от тебя не зависит. Не стоит портить себе жизнь мечтами о несбыточном. Павла Леонтьевна очень верно говорит: «Ничего не вышло, значит, так и надо. Бог уберег». Будет у тебя еще много-много счастья. Тебе еще и сорока нет, вся жизнь, почитай, впереди.

Кстати, собиралась спросить и чуть было не забыла. Эта твоя Сонечка Фрейфельд случайно не имеет родни в Таганроге? Был там такой врач Абрам Григорьевич Фрейфельд. Спрашиваю не из праздного любопытства. Если вдруг окажется, что имеет, будет у меня к ней одна просьба.

Целую тебя, милая моя!

Твоя Фаня.

24 мая 1933 года

Здравствуй, Фирочка!

Очень расстроилась, когда прочла твое письмо. Я хорошо знаю, что такое одиночество, и понимаю, как радуется душа, когда рядом появляется близкий человек. В моей жизни, пожалуй, не было более радостного события, чем встреча с Павлой Леонтьевной. И я прекрасно понимаю, как трудно разочаровываться в людях. Особенно если ты этого человека любила и полностью ему доверяла.

Если бы ты была рядом, то я бы взяла тебя за руку и долго бы говорила. До тех пор говорила бы, пока ты не начала бы улыбаться. Но в письме так много не напишешь, поэтому я скажу тебе коротко. Забудь! Забудь этого мерзавца, который и ногтя на твоём мизинце не стоит! И поблагодари Бога за то, что Он открыл тебе глаза на твоё «сокровище» так рано. Если уж разочаровываться, то лучше сегодня, а не завтра или послезавтра. Давай посмотрим правде в глаза, милая. По твоему рассказу явственно видно, что твой Аркадий – обыкновенный альфонс, любитель поживиться за счёт доверчивых женщин. Ты напрасно считаешь, что если у тебя нет ни капитала, ни каких-то ценностей, то ты не представляешь никакого интереса для альфонсов. Во-первых, ты – бухгалтер, ты работаешь с деньгами, а люди каждого бухгалтера считают чуть ли не миллионщиком. Во-вторых, те, кто не знает твои обстоятельства, могут думать, что у тебя что-то припрятано на чёрный день. Это тоже учти. Знаешь, милая, что я тебе скажу? Тебе, наверное, нужно переехать из Баку в другой город, да хотя бы и в Москву. Бухгалтеры требуются повсюду, а уж такого грамотного и ответственного специалиста, как ты, просто с руками оторвут. В нашем с тобой положении лучше жить там, где за нами не будет тянуться весь этот шлейф из прошлого. Подумай об этом, милая моя. Если вдруг захочешь перебраться в Москву, то я подыщу тебе место и жить на первых порах ты сможешь у нас. Не стесняйся, я же знаю, какая ты стеснительная. Близкие подруги должны помогать друг другу.

Что же касается мужчин, то все они одинаковы – сластолюбцы и эгоисты. Вот тебе свежий пример из жизни. Ты, наверное, знаешь актрису Аду Войцик[25 - Войцик Ада Игнатьевна (1905–1982) – советская актриса, заслуженная артистка РСФСР (1935).]? В «Кукле с миллионами»[26 - «Кукла с м?????????иллионами» – советская немая комедия, снятая режиссером Сергеем Комаровым в 1928 году на студии «Межрабпомфильм».] она играла Марусю. Ада талантливая актриса и замечательный человек. Мать у нее еврейка, а отец поляк. Мы с ней дружим. Несколько лет она прожила с режиссером Пырьевым[27 - Речь идет об известном советском кинорежиссере Иване Александровиче Пырьеве (1901–1968).]. Между ними была настоящая любовь (во всяком случае, со стороны Ады), а не то, что обычно бывает у режиссеров с актрисами. Ада родила Пырьеву сына и думала, что нашла свое счастье, но не тут-то было. Муженек начал гулять, и чем дальше, тем больше. Сейчас бедная Ада места себе не находит. Она любит своего мужа, она не хочет его терять, но не понимает, как отучить его от скверной привычки не пропускать ни одну юбку. Сама теперь жалеет, говорит, что поторопилась связывать свою жизнь со столь ненадежным человеком, но что поделать? Уже связала, есть сын. Лучше, чтобы глаза раскрывались как можно раньше. Это я снова повторяю то, что уже тебе говорила.

Хочешь еще пример? Изволь. Их у меня, как у дурачка шишек. Моя подруга Леночка (та, которая была замужем за сыном М. Дальского[28 - Мамонт (Мамант) Викторович Дальский (настоящая фамилия Неелов; 1865–1918) – известный дореволюционный русский трагик.]) четыре года назад полюбила одного писателя, у которого сейчас дела идут не лучшим образом[29 - Речь идет о Михаиле Афанасьевиче Булгакове и его третьей жене Елене Сергеевне (урожденная Нюрнберг), первым мужем которой был сын Маманта Дальского Юрий Неелов.]. И он ее тоже полюбил. С первого взгляда. Я, кажется, уже писала тебе о том, что у Леночки бурный роман и совершенно неземные страсти, но в подробности не вдавалась. Так вот, Леночка очень долго уходила от своего второго мужа (тот все не хотел ее отпускать, потому что сильно любил), но наконец-то ушла, а ее писатель за это время развелся со своей второй женой. Они стали жить вместе. Казалось бы – взрослые, многое повидавшие люди. У каждого нынешний брак – третий по счету, оба, можно сказать, нагулялись досыта. Пришло долгожданное счастье, так цените его, дорожите им. Что касается Леночки, то она дорожит. Пылинки сдувает со своего писателя, надышаться на него не может, рассказывает всем о его гениальности. Насчет гениальности я бы с ней поспорила. Ее обже[30 - Обже (от фр. objet de la flame) – предмет страсти или поклонения (устар.).] до гения очень далеко, несмотря на то что его пьесы ставились в таких театрах, как МХАТ. Ставились, потом снимались, ты понимаешь, что я хочу сказать. Но если любишь, то конечно же будешь восторгаться. Любовь способствует восторгам. Однако долгожданное счастье оказалось с гнильцой. Мало того что Леночкин писатель морфинист, так он еще и любитель развлекаться на стороне. Причем сам он все эти свои интрижки за грехи не считает, ведь он любит Леночку, а интрижки всего лишь «пустяки», мимолетные увлечения. Удобное объяснение. Хотела бы я увидеть, что бы он стал делать, если бы у Леночки тоже появилось бы какое-нибудь «мимолетное увлечение».

Примеров много, но все их писать не стану. Нет необходимости, потому что везде одно и то же. Женщины любят и доверяют, а мужчины плюют на это. Так уж устроен мир, моя милая, и мы не в силах его изменить.

Мой отец, когда что-то срывалось, говорил: «Значит, это не мое». Вот и ты скажи точно так же. Аркадий был «не твоим», вот он тебе и не достался. И слава Богу! Если бы достался, то было бы хуже.

У меня нет никаких новостей. Ах, как бы мне хотелось похвалиться новой ролью! Но ничего нет. В театре неспокойно. Таиров ходит мрачнее тучи. Никто не

осмеливается приставать к нему с расспросами, но ясно, что причина серьезная. Ниночка по секрету шепнула мне (она все знает от Алисы Георгиевны), что Таиров попал в положение Амана, только евреи тут ни при чем[31 - То есть лишился расположения власть имущих. Один из придворных персидского царя Артаксеркса по имени Аман, враг евреев, был повешен после того, как его интриги разоблачила еврейка Эсфирь, жена Артаксеркса. В честь избавления от истребления Аманом евреи празднуют праздник Пурим.]. О заграничных гастролях, видимо, придется забыть навсегда, а я так мечтала об этом (ты меня понимаешь)[32 - Семья Фаины Раневской - отец, мать и брат - после революции эмигрировала. Сестра Раневской к тому времени тоже жила за границей с мужем. В Советской России у актрисы не осталось никого из родных.]. Да что там гастролы - не закрылся бы театр! Десять лет назад только и слышно было, что где-то открылся новый театр, а теперь все наоборот - театры закрываются. Павла Леонтьевна шутит по этому поводу. Говорит, что Москве достаточно трех театров - Малого, Художественного и Корша[33 - Русский драматический театр Федора Адамовича Корша - московский театр, работавший в 1882-1933 годах. Считался «вульгарным», но пользовался большой популярностью. Корш набирал сильных актеров и еженедельно давал премьеры.]. Знаешь, Фирочка, иногда меня посещает мысль о том, что мне надо было не витать в облаках, а поступать к Коршу году этак в 15-м. И оставаться в Москве. Тогда бы на меня сейчас не смотрели бы как на темную провинциалку. Боже мой! Это я-то провинциалка? Отсталая и неученая? Но ведь смотрят, смотрят. Даже третировать пробовали, но не вышло. Я, знаешь ли, давно уже не та робкая девочка, которая на коленях умоляла родителей забрать ее из гимназии. Ох, попадись мне сейчас все те мерзавки, которые тогда надо мной издевались! Я бы им показала! Но ладно, лучше пусть не попадаются. Не люблю ворошить былое. Это просто к слову вспомнилось.

Ворошить не люблю, а все равно часто думаю о том, как бы могла сложиться моя жизнь, если бы тогда-то я поступила бы не так-то, а иначе. Понимаю, что это глупое занятие, ведь время вспять не повернуть, но ничего не могу с собой поделать. С Москвой у меня вообще складываются странные отношения. Я люблю Москву гораздо сильнее, чем мой родной Таганрог, но вот взаимности не наблюдаю. Москва меня не любит. Здесь меня и обкрадывали, и обманывали, и предавали, и смеялись надо мной... А уж сколько надежд моих здесь похоронено - и не сосчитать. Но тем не менее что-то меня здесь держит. Не хочу никуда уезжать из Москвы. К тому же здесь всегда можно найти какой-то актерский заработок. Скажу тебе честно, если махнуть рукой на высокое искусство и задаться целью заработать как можно больше денег, то здесь можно прекрасно устроиться. За один вечер в клубе можно заработать, как за неделю в театре. Но

для меня искусство важнее денег, потому-то я и страдаю. Иногда говорю себе: «Дура!», но не могу ничего с собой поделаться. Часто, очень часто вспоминаю Крым. Времена были тяжелые, но зато каких только ролей я там не переиграла! Правы те, кто говорит, что человек понимает свое счастье лишь после того, как оно уходит. Клянусь тебе, что если бы сейчас мне предложили бы вернуться в то время, то я бы согласилась. Черт с тем, что жили впроголодь и одевались во что придется. Зато так было радостно сознавать себя нужной! Скажу тебе без малейшего преувеличения, моя милая Фирочка, что для актрисы чувствовать себя нужной зрителям есть высшее счастье. И пусть спектакли идут в холодном, неотопляемом помещении, пусть в животе бурчит от голода – это все пустяки. Я играла, как одержимая, я выходила на сцену каждый вечер и с замиранием сердца думала о том, что если у меня сейчас все так хорошо складывается, то что же будет дальше? В мечтах я видела себя второй Комиссаржевской. Теперь, когда вспоминаю, смеюсь над собой или плачу, в зависимости от того, какое у меня в этот момент настроение. Чаще, конечно, плачу. Жаль мне себя, юную наивную дуручку. В нашей семье Божьи дары распределялись не поровну. Красота и расчетливость достались сестре, а ум с наивностью – мне.

Звали меня в Харьков, там открывается драмтеатр. Знакомая Павлы Леонтьевны из Ленинграда уехала туда. Я отказалась, несмотря на то что с Харьковом у меня связано много приятных воспоминаний. А может, «несмотря» здесь и неуместно. Может, не стоит никогда возвращаться в те места, с которыми связаны приятные воспоминания. Ох, какая только чушь не лезет в мою бедную голову.

Если от вас будет оказия, дай мой московский адрес. У меня есть кое-что для тебя. Что именно, не скажу, пускай это будет сюрприз. Скажу только, что посылочка моя легкая и никого не обременит.

Не грусти, моя добрая Фирочка. Все еще у тебя в жизни будет – любовь, счастье, много радости. Надо только набраться терпения и не расстраиваться по пустякам. Не переживай по поводу несбывшихся надежд. Нельзя роптать на судьбу. Если тебе суждено быть с кем-то, то судьба непременно сведет тебя с ним, как свела меня с Павлой Леонтьевной. Я же рассказывала тебе, что мы с ней могли бы познакомиться еще весной 1916 года в Харькове у Синельникова[34 - Синельников Николай Николаевич (1855–1939) – русский актер, режиссер, один из самых известных дореволюционных антрепренеров Российской империи.], но он отправил Павлу Леонтьевну с частью труппы в Киев буквально накануне моего появления в труппе. Обратившись в Харьков Павла Леонтьевна не вернулась, потому что поспорила с Синельниковым по поводу

бенефисов и покинула его антрепризу, уехала в Иркутск. Но мы же все равно познакомились с ней двумя годами позже, в Ростове. Потому что так было суждено. Но я бы была счастлива, если бы прослужила несколько сезонов у Синельникова вместе с моей дорогой наставницей. Тогда бы я почерпнула бы в его антрепризе гораздо больше. И, возможно, сейчас служила бы в Художественном.

Не переживай, милочка, все еще у тебя будет! Тебе нельзя волноваться, ведь ты работаешь с цифрами и можешь что-то напутать. Как начнешь переживать – садись и пиши мне письмо. Это тебя успокоит, это все равно, что выговориться. Я так сильно радуюсь каждому твоему письму, хотя и отвечаю через два раза на третий. Прости меня за это. Я буду писать тебе чаще.

Целую тебя, хорошая моя.

Твоя Фаня.

3 сентября 1933 года

Здравствуй, моя милая Фирочка!

У меня радость. Не знаю, как все закончится, но пока радуюсь. Нас с Ниночкой пригласили сниматься в картине! Молодой режиссер Ромм (да, он из тех самых Роммов[35 - Ромм – фамилия владельцев еврейской типографии в Вильно (Вильнюсе), получившей наибольшую известность под своим последним названием «Типография вдовы и братьев Ромм» (1860–1940). Талмуд, изданный в типографии Роммов в 1880-х годах, известен как «Талмуд Виленского издания» и считается одним из самых авторитетных (канонических) печатных изданий Вавилонского Талмуда. В дореволюционный период книги этой типографии были практически в каждой еврейской семье Российской империи.]) снимает картину по рассказу Мопассана «Пышка». Он видел меня в роли Зинки и решил, что лучшей актрисы на роль госпожи Луазо ему не найти. «Слава Богу, что вы не предложили мне сыграть Пышку, – сказала ему я. – Иначе с вашей картиной случилось бы что-то нехорошее. Роль проститутки для меня как проклятье». Но Пышку играет артистка Сергеева из студии Симонова[36 - Театр-студия под руководством актера и режиссера вахтанговской школы Рубена Симонова существовал в Москве в 1928–1937 годах. В 1937 году слился с московским Театром рабочей молодежи и получил имя Московского театра имени

Ленинского комсомола.]. Та еще шикса, если говорить начистоту. На нас с Ниночкой смотрит свысока, считает себя выше всех. Деревенщины всегда считают себя выше всех, ты меня поймешь. Режиссер мне нравится, а вот остальные актеры, занятые в картине, – не очень. Но мне уже объяснили, что такова главная особенность кино – приходится играть с кем попало. Ни о какой сыгранности не может быть и речи. Если хочешь понять, что такое съемки картины, то вспомни басню Крылова про лебедя, щуку и рака. Он как будто бы про это писал. Но ничего, главное, что режиссер у нас хороший. У меня, как ты знаешь, чутье на талантливых людей. О, этот Ромм еще покажет себя. И поверь, что я его хвалю не потому, что он литвак[37 - Литваки – территориально-лингвистическая подгруппа ашкеназских евреев, проживавшая на территории современных Беларуси, Литвы, Латвии и прилегающих к ним районах России и Польши. Литваки разговаривают на т. н. «литвиш» – северо-восточном диалекте языка идиш и считают своей исторической столицей город Вильнюс (Вильно), который в прежние времена они называли «Литовским Иерусалимом». Родители Фаины Раневской (Фельдман) были родом из Минской (отец) и Витебской (мать) губерний, т. е. оба были литваками.]. Он и впрямь очень талантливый. Когда говорит о картине, глаза у него горят так, что можно не сходя с места в него влюбиться. Но ты же знаешь, что я никогда не влюбляюсь в режиссеров. Я предпочитаю с ними спорить. Больше пока ничего писать о «Пышке» не стану, потому что это пока еще одни только мечты и надежды.

С театром у меня тоже одни надежды. Боюсь, как бы они не оказались пустыми, поэтому пока ничего писать не стану. Я стою на перепутье, и в голове у меня только одна мысль – как бы не ошибиться. Было время, когда я не боялась пробовать и ошибаться, а теперь боюсь. Не знаю, сколько еще можно ошибаться. Пора бы уже найти свое место в жизни, свой театр, своего режиссера. Ты и представить не можешь, как я завидую Павле Леонтьевне. Ее актерская карьера была благословлена самим Давыдовым[38 - Давыдов Владимир Николаевич (настоящие имя и фамилия – Иван Николаевич Горелов; 1849–1925) – известный русский актер, театральный режиссер и педагог. Имел звания заслуженного артиста Императорских театров и народного артиста РСФСР.]. Судя по рассказам Павлы Леонтьевны, у него был настоящий актерский университет. А я ни одного университета не окончила. Проучилась в нескольких школах, но школы – это совсем другое. Не тот масштаб. Я, как обычно, питаю множество надежд и опасаюсь, что им (как обычно) не суждено будет сбыться. Идти к Юре в армейский театр мне не очень-то хочется. Если бы меня спросили, куда я хочу поступить, то я бы ответила: «В Малый или в Художественный». Мне хочется служить не в новом театре, а в таком, который имеет историю, традиции. Для меня это очень важно. Но кто ж меня спросит?

Я постоянно держу нос по ветру. В Москве я уже освоилась, знакомых у меня много, и я в курсе всех новостей. Но новости эти неутешительные. Все вдруг едут в Москву. Такое впечатление, будто в провинции никого не осталось. Вдобавок в последнее время театры, которые появились после революции, закрываются один за другим. Мест нет. Табличка «Свободных мест нет» может радовать актеров только в том случае, если речь идет о местах в зале. Когда то же самое говорят о местах в труппе, это уже не радует, а огорчает.

Весной я сильно исхудала, а за лето немного поправилась и снова могу без содрогания смотреться в зеркало. А то ведь страшно было взглянуть. Павла Леонтьевна говорила, что мне идет худоба, что я так выгляжу, как настоящая *la femme fatale*[39 - Роковая женщина (фр.)]. Боже милостивый! Какая, к черту, *la femme fatale*? Я выглядела, как лошадь, которую ведут на живодерню. Впору было беспокоиться, что подхватила чахотку. Но то была не чахотка, а нервы. Я была сама не своя, но теперь немного успокоилась. Так уж устроен человек, что не может вечно переживать об одном и том же. Чувства притупляются, вот и мои тоже притупились. Приглашение сниматься в картине тоже сыграло свою роль. Режиссер увидел меня на сцене в образе покойной Зинки (да я так и говорю о ней: «моя покойница») и восхитился настолько, что пригласил меня сниматься. Это же что-то значит. Хотя бы то, что мои старания не пропали зря. Павла Леонтьевна пророчит мне грандиозную славу в качестве киноактрисы, говорит, что у меня выразительные глаза. Она постоянно пророчит мне что-то ободряющее, чтобы меня поддержать, и я ей за это, а также за все прочее, очень благодарна. Но какая из меня киноактриса? У киноактрисы непременно должно быть смазливое личико. Одними только глазами, какими бы выразительными они ни были бы, не обойтись. Иногда я завидую Белле[40 - Старшая сестра Фаины Раневской Изабелла Фельдман.], думаю, что с радостью обменяла бы мой ум на ее красоту. Была бы я тогда счастлива? Не знаю. В детстве я ужасно завидовала Белле. Ты знакома с ней и должна понимать, что там было чему завидовать. В Белле все – от профиля до осанки, было совершенным. Она так грациозно танцевала, так мило пела, так улыбалась... Ах, мне бы все эти таланты! Знаешь, Фирочка, в нашем деле внешность играет не самую главную, но и не самую последнюю роль. Красивая талантливая актриса имеет гораздо больше преимуществ, чем некрасивая талантливая актриса. Смее надеяться, что я хотя бы талантлива. Ведь мне об этом говорили даже те, кто меня не любил. Помню, как Желяков (я тебе о нем рассказывала) назвал меня «талантливой гадюкой». За «талантливую» я его поблагодарила, а за «гадюку» хотела дать по физиономии, но сдержалась. Не люблю рукоприкладства, это у меня наследственное.

Немного заработала летом по старой памяти в театре МОНО[41 - МОНО – Московский отдел народного образования. В передвижном театре при этом учреждении Фаина Раневская и Павла Вульф некоторое время работали в 20-х годах прошлого века.]. Хорошо, когда знаешь, где можно заработать. Удовольствия мне эта работа не доставляет, но дает заработок, а это в моем положении очень важно. Каждая копейка дорога, не говоря уже о рублях. Стала ужасной скупердяйкой. Представь – это я-то! Прежде чем потратить копейку, десять раз подумаю. Мне не привыкать экономить, а все равно грустно. Хочется жить так, чтобы не трястись над каждой копейкой. Сбережения мои давно растаяли. Ты же знаешь, что я не умею обращаться с деньгами. Трачу, трачу, а когда спохватываюсь, то бывает уже поздно. Я непрактичная, некрасивая, невезучая... И так далее. Сегодня я недовольна собой. В последнее время я редко бываю собой довольна. Что поделать, таковы мои обстоятельства.

Так уж и быть, расскажу тебе про мою интригу. Никому не рассказывала, даже Павле Леонтьевне, а тебе расскажу. Интрига в духе Рокамболя[42 - Рокамболь – главный персонаж цикла авантюрно-уголовных романов XIX века французского писателя Понсона дю Террай о похождениях Рокамболя. Его имя стало нарицательным для обозначения авантюриста.]. Я возобновила знакомство с заместителем директора Малого театра Дальцевым. Мы с ним познакомились в Ростове, еще до революции. Он конечно же давно забыл обо мне, а даже если и не забыл, то являться к нему на правах старой знакомой мне было неловко. Надо было подстроить якобы случайную встречу с узнаванием. Я подкараулила его возле театра, уронила сумочку, которую заранее раскрыла и нагнулась за ней так неловко, что упала. Он помог мне подняться и пока он собирал с тротуара то, что было в сумочке, я его «узнала». Поскольку я больно ушибла ногу (на самом деле ничего такого не было, я симулировала), ему пришлось немного со мной повозиться – остановить извозчика и помочь мне сесть в пролетку. За это время я успела немного рассказать ему о себе и о том, что не пропускаю ни одной премьеры в Малом. На самом деле я была там только на одной премьере, смотрела этой весной «На бойком месте» (мне совершенно не понравилось). Мне было важно создать повод, который бы позволил мне заглянуть к Дальцеву перед спектаклем, чтобы закрепить знакомство. Переть напролом, то есть – сразу проситься в труппу, нельзя. Откажет, потому что труппа Малого забита под завязку. Надо действовать тоньше. Стать не просто знакомой, а приятельницей и тогда уже закидывать крючок. На мое счастье, Дальцев любит выпить, а с такими людьми нетрудно сблизиться. Мне ужасно неловко, что я действую таким образом, но что поделать? Надо же как-то устраиваться. Очень не хочется уезжать из Москвы. Если сейчас уехать, то уже и не вернусь. Засосет меня провинция, как болото. Недавно предложили ехать в Ташкент, там в

будущем году собираются открывать русский театр. Обещали все, что положено обещать в таких случаях, – подъемные, жилье, роли. Но я отказалась. Что я стану делать в Ташкенте? К тому же я хорошо представляю, что такое новый театр. Юра со своим театром мучается до сих пор, несмотря на то что театру этому уже три года. Нет уж, не надо мне такого счастья. Вдобавок жара там ужасная, а я жару переношу плохо. У вас в Баку мне нравилось, потому что море рядом и вечерами прохладно, а в Ташкенте, говорят, ночью так же, как и днем. Нет, не хочу, пускай меня хоть озолотят. Да и не озолотят, я знаю. Подъемные уйдут на устройство на новом месте, комнатку дадут маленькую, в каком-нибудь бараке, а с ролями будет совсем не так, как обещают. Без обещаний не обойтись, надо же чем-то заманивать людей в такую дыру. Небось, всем обещают премьерство. А когда в труппе сойдутся два десятка премьеров и прим, то начинается такая свара, что только держись. Если уж и уеду когда из Москвы, то только в Смоленск. Но я не уеду.

Меня очень насмешила история с твоим лжеюристом. Только такая добрая душа, как ты, могла поверить проходимцу. Фирочка, милая, не переживай из-за пустяков. Мой отец в таких случаях говорил: «Хвала тебе, Всевышний, за то, что наказал деньгами и не забрал все». Ты тоже так скажи, хотя я даже представить не могу, чтобы тебя за что-то понадобилось наказывать. И знай на будущее, это я тебе говорю со знанием дела, что если человек оказывается в чужом городе без денег и документов, то ему незачем знакомиться с женщинами на бульварах и просить у них займы. Можно прийти в милицию, рассказать о случившемся, и его отправят по месту проживания. Уж юрист-то должен был это знать. Жаль, конечно, что ты с ним не переспала. Так хотя бы было что вспомнить. Учти, что у тебя, Фирочка, такое доброе лицо и такой доверчивый взгляд, что просто удивительно, что к тебе раньше не приставали аферисты. Ко мне и то иногда пристают. Недавно в гостях познакомилась с «ответственным сотрудником Моссовета», который сразу же начал рассказывать о своих возможностях. Нужен ордер на отдельную квартиру? Запросто! Дай на лапу, и будет тебе ордер. До сих пор удивляюсь, как такой жулик попал в приличный дом. Наверное, увязался за кем-то, не иначе. Я сразу его раскусила, но решила подыграть для смеху. Я же актриса. Проявила интерес, стала рассказывать о том, как мы втроем ютимся на шести метрах. Это недалеко от правды, потому что мы действительно живем не поймешь как, но количество метров я сильно уменьшила. Он увел меня на кухню и назначил встречу на следующий день возле почтамта, чтобы мы могли обсудить мое дело без помех. Я же начала настаивать на том, чтобы встретиться с ним в Моссовете. Мол, пока не увижу, что у него там есть кабинет, и не прочту на табличке его фамилию, деньги передавать не стану. Он говорил тихо, шепотом, а я – громко. Видела бы ты его морду! Сначала покраснел, затем

побледнел, а потом ушел. Бежал, как заяц от орла! Даже ни с кем не попрощался. Я сделала из этого случая миниатюру. У меня набралось уже с дюжину миниатюр. Иногда (и это тоже секрет для всех, кроме тебя) я выступаю с миниатюрами. Выступаю где придется, в основном в разных клубах, и не под своей фамилией, потому что мне стыдно. Но эти выступления дают мне заработок. Впечатление такое, будто бы я размениваю высокое искусство на медные гроши. Хочется надеяться на то, что в скором времени я смогу забыть об этом позоре навсегда.

Ты что-то перестала писать о своей личной жизни. Нечего рассказывать или у тебя очередная трагедия? Если нечего, то не расстраивайся, вечно это длиться не будет. Если же, не про нас с тобой будь сказано, у тебя трагедия, то наплюй и забудь. Ни один мужчина на свете не стоит того, чтобы по нему убиваться.

Целую тебя, золотая моя Фирочка.

Твоя Фаня.

20 ноября 1935 года

Здравствуй, Фирочка!

Прости меня за то, что так долго тебе не писала, отделялась только поздравительными телеграммами. Совершенно не было времени. Ты же знаешь, что я пишу письма по ночам, когда меня ничто не отвлекает. Я несколько раз садилась писать тебе, но всякий раз засыпала прямо за столом. Дел у меня много, но чувствую, что уставать от них стала больше обычного. Раньше чувствовала себя гораздо бодрее. Пожаловалась на усталость Павле Леонтьевне, так она встревожилась, напридумывала разных причин – гемоглобин, туберкулез и др., чем меня изрядно перепугала, и потащила к докторам. Слава Богу, доктора сказали, что у меня все в порядке, просто я переутомилась, и посоветовали съездить отдохнуть в Крым или на Кавказ. Я бы съездила, если бы была возможность. Тата наварила облепихового варенья и пичкает меня им. Гадость невероятная, но я ем, потому что не хочу обижать Тату. Она уверяет, что нет полезнее ягоды, чем облепиха. Не знаю, на мой взгляд, самая полезная для меня ягода – это клубника, потому что я ее люблю.

ЦТКА[43 - Центральный театр Красной Армии.] совершенно не оправдал моих надежд несмотря на то, что руководит им хорошо знакомый мне человек. Радость только одна – Юрий Александрович сделал то, чего не удалось сделать мне. Он вернул на сцену Павлу Леонтьевну, и мы с ней теперь служим в одной труппе. Ты конечно же обратила внимание на то, что я назвала его по имени и отчеству. Я так его теперь все время называю, даже за глаза, даже мысленно и в письмах. Однажды случился конфуз. Привыкнув называть его по имени, я оговорила на репетиции. Сказала на людях: «Юра, я с такой трактовкой не согласна». Он так рассердился, сверкнул глазами, нахмурился, а после репетиции отчитал меня, как набедакурившую девчонку. Пришлось стерпеть, ведь я была виновата. Теперь называю его только по имени и отчеству. А то, не дай Бог, снова оплошаю.

Труппа ЦТКА – настоящий *poeud de viperes*[44 - Клубок змей (фр.)]. Стоило только Павле Леонтьевне прийти в театр, как на Юрия Александровича тут же написали анонимку. Кто именно написал, так и осталось неизвестным, но я подозреваю, что это сделала артистка Добржанская[45 - Добржанская Любовь Ивановна (1905–1980) – советская актриса театра и кино, певица. Лауреат Сталинской премии второй степени (1951). Народная артистка СССР (1965). Наиболее известные роли в кино – мама Деточкина в картине «Берегись автомобиля» и мама Жени Лукашина в картине «Ирония судьбы, или С легким паром!»]. Она в труппе недавно, но уже успела показать во всей красе свой гадкий характер. Ю. А. она ненавидит, потому что он отверг ее как женщину. Сам Ю.?А. считает иначе. Ему кажется, что анонимку написал артист Хохлов[46 - Хохлов Александр Евгеньевич (1892–1966) – советский актер театра и кино. Народный артист РСФСР (1946). Лауреат Сталинской премии второй степени (1951)]. У них незадолго до того вышел крупный спор, переросший в скандал. Павла Леонтьевна, знающая Хохлова еще по Иркутску, где они вместе служили незадолго до революции, считает иначе. По ее мнению, Хохлов не способен на такое подлое коварство. Он вспыльчив, но благородство ему не чуждо. Но если задуматься, то можно заподозрить почти всех, за исключением двоих или троих. Бедному Ю.?А. пришлось долго объяснять начальству, кто такая Павла Леонтьевна Вульф и почему он решил пригласить ее в труппу. Фирочка, ты бы видела это начальство! Это невероятно далекие от искусства люди, которые при этом мнят себя опытными специалистами. А какой у них опыт? Руководство полковым клубом, не более того. Составление программы праздничного концерта они считают режиссерством! Нет, ты только вообрази себе это! Они с невероятным апломбом поучают Ю.А., человека, который учился у Станиславского и Вахтангова и играл Чацкого после Качалова[47 - Качалов Василий Иванович (настоящая фамилия – Шверубович; 1875–1948) – известный

русский актер, один из ведущих актеров Художественного театра. Народный артист СССР (1936). Кумир Фаины Раневской.]]

Не буду перечислять те глупости, которые приходится выслушивать бедному Ю.А., лучше расскажу тебе историю, похожую на анекдот, но это чистейшая правда. Время от времени нам сверху спускают для постановки пьесы из армейской жизни. Все они ужасно написаны. Люди, мнящие себя драматургами, не имеют понятия о законах драматургии. Рассмотрев очередной такой «шедевр», Ю.А. подробно пишет о его недостатках, которые делают постановку невозможной. Начальство на время успокаивается, но когда Ю.А. просит утвердить пьесу, выбранную им для постановки, он всегда слышит брюзжание: «Ставьте черт знает что, а от настоящих пьес нос воротите». Вот так-то, милая моя. Одну из этих «настоящих» пьес Ю.А. зачитал нам на собрании. Не всю, а несколько отрывков. Я слушала и не могла понять, откуда все слышанное кажется мне знакомым. Ведь это новая пьеса о конниках Буденного. Смотрю на других и вижу на их лицах недоумение. Наконец, меня осенило первую – так это же гоголевский Тарас Бульба, перекроенный на современный лад! Вместо Тараса – Панас, вместо запорожцев – буденновцы и так далее. Каков наглец этот, с позволения сказать, «драматург»! Взял и списал у Гоголя! И даже не указал в скобках, что пьеса написана по «Тарасу Бульбе». Не иначе как боялся, что Гоголь потребует у него половину гонорара. Черт с ним, с этим «драматургом». У нас в Таганроге дочь аптекаря Идельсона Роза тоже баловалась написанием пьес – пересказывала Гольдфадена[48 - Гольдфаден Авраам (1840–1908) – еврейский поэт и драматург, автор около 30 пьес, организатор первого еврейского театра, в котором шли пьесы на идише.] на русском, меняя имена и названия городов. Но как наши начальники, считающие себя образованными людьми, могли не узнать в пьесе о буденновцах «Тараса Бульбу»?

Добржанская несколько раз отпускала шпильки в мой адрес, но я пропускала их мимо ушей. Не хотела связываться. Но, когда она высказалась в адрес Павлы Леонтьевны, я не вытерпела (не могла вытерпеть) и утерла ей нос. Предметом ее недовольства стало то, что Ю.А. дал Павле Леонтьевне роль старухи-генеральши в пьесе «Я вас люблю». «Ах-ах! Развел семейственность! Не успела теща появиться в театре, так ей сразу роль! Небось и пьесу эту взялся ставить лишь с той целью, чтобы обеспечить тещу ролями! Кто же ей еще роль даст, как не зятек?» Вот скажи мне, Фирочка, положи руку на сердце – разве могла я стерпеть такое? Разумеется, не могла. «Что, – говорю, – завидно? Сами, небось, рассчитывали генеральшу сыграть, а теперь места себе не находите? Спеть больше негде». Соль этой истории заключается в том, что Добржанская мнит себя красавицей, а генеральша Нюрина, которую играет мой добрый ангел, –

выжившая из ума старуха, настоящая развалина, которую вывозят на сцену в кресле. Кроме того, Добржанская довольно неплохо поет. Голос у нее приятный и сильный, это я признаю, хотя и не люблю ее. Ты же знаешь, что я справедлива к людям, замечаю не только недостатки, но и достоинства. Генеральша же в пьесе не поет, а мычит себе под нос нечто невнятное. Добржанская покраснела от злости, но не нашла, что мне ответить. Теперь она меня демонстративно не замечает, чему я очень рада. Поскольку при нашем разговоре присутствовала артистка Зеркалова[49 - Зеркалова Дарья Васильевна (1901–1982) – советская актриса театра и кино. Народная артистка РСФСР (1947). Лауреат Сталинской премии второй степени (1946).], очень скоро весь театр узнал, как Раневская «отбрила» Фифу (это прозвище Добржанской).

Не успела я прийти в театр, как узнала, что Ю.А. собирается из него уходить. Понимаю, почему он хочет уйти. Быть главным режиссером ЦТКА очень трудно. Приходится постоянно биться лбом о стену. Но я не понимаю, почему он не сказал мне об этом раньше. Он хочет уехать в Ростов со своей студией[50 - Помимо работы в ЦТКА и игры во МХАТе, Юрий Завадский с 1924 года руководил созданной им театром-студией.]. Там выстроили новое здание театра, а своей труппы у них нет. Он зовет нас с Павлой Леонтьевной в Ростов. Боюсь, что нам с ней придется расстаться. Она хочет ехать, потому что она ожила, вернувшись на сцену, ожила в прямом смысле этого слова, расцвела, воспрянула духом. Теперь сама говорит, что напрасно уходила. Но без Ю.А. она в труппе долго не удержится, ее выживут под тем предлогом, что актрис, играющих возрастные роли, много не нужно. А я не хочу никуда уезжать. Хотела бы, так давно бы уехала. Поглядим, кого назначат вместо Ю.А., если он в самом деле уедет. Может, еще и не уедет. Поговорит-поговорит, да передумает, или в Ростов отправят кого-то другого. Ходят слухи, будто в ЦТКА хочет перейти знакомый тебе по Баку Шлепянов[51 - Шлепянов Илья Юльевич (1900–1951) – советский театральный режиссер и художник. Заслуженный артист РСФСР (1933). Лауреат Сталинских премий (1946, 1951). В 1926 году некоторое время работал главным художником Бакинского рабочего театра. С 1928 по 1937 год работал главным художником и режиссером московского Театра Революции (ныне – театр имени Вл. Маяковского).]. Не хотелось бы мне этого, потому что как режиссер он меня совершенно не устраивает. Человек он хороший, но не умеет зажечь в актерах искру, увлечь их своим замыслом. Если Ю.А. на репетициях просто трепещет от переполняющих его чувств, то Шлепянов просто нудно бубнит, не выказывая никаких эмоций. А если режиссер ведет себя как спящая рыба, то и актеры будут точно так же себя вести и спектакля не получится. Ах, Фирочка, если бы ты видела, как репетировал Рудин[52 - Речь идет о режиссере Павле Анатольевиче Рудине, с которым Раневская и Вульф работали в Крыму в 1918–1924 годах, а

позднее – в передвижном театре при Московском отделе народного образования (МОНО) и в театре шахтерского санатория в г. Святогорске (Донецкая область).], о котором я тебе столько рассказывала! Он играл все роли, которые были в пьесе. Дай ему «бревно» (это такое прозвище для никудышных актеров), у него бы и «бревно» сыграло бы так, как ему было нужно. Вот что значит настоящий режиссер.

Ты, я уверена, уже знаешь из газет, что Алиса Георгиевна с Таировым стали народными артистами[53 - Народными артистами РСФСР.]. Я выждала немного, пока утихнет поздравительная горячка, и съездила к ним, чтобы поздравить. Собиралась сделать это у них дома, потому что спектакля в тот день не было[54 - Таиров с Коонен жили в том же здании, в котором находился Камерный театр. Их квартира находилась на втором этаже, имела отдельный вход и выходила окнами на Большую Бронную улицу.], но оказалось, что в театре идет вечерняя репетиция и они там. Мне не хотелось идти в театр, поскольку в руках у меня был огромный букет роз (за который с меня содрали немыслимые деньги!) и со стороны это могло выглядеть как подхалимство. Я бы приехала в следующий вечер, но роз было жалко – увянут. Пришлось отправляться в театр. Алиса Георгиевна облобызала меня и сказала, что настанет день, когда она будет гордиться знакомством со мной. Понимай эти слова как хочешь, но сама я поняла их как комплимент и немножко как попытку извиниться за то, что меня мягко выставляли и все же выставили из театра. Я не верила отцу, когда он говорил, что жизнь очень сложная штука. Мне, девчонке, казалось, что все просто. Есть хорошие люди, есть плохие, есть так себе, ни два ни полтора. От хороших людей можно ожидать только хорошего, а от плохих плохого. И до сих пор, когда от хороших людей получаю что-то плохое, то теряюсь и начинаю думать, уж не сама ли я виновата? Но у меня и в мыслях не было соперничать с Алисой Георгиевной. Я всего лишь хотела сыграть свою Зинку как можно лучше, чтобы не разочаровать ни ее, ведь она за меня поручилась, ни самого Таирова. Но мне, невезучей, ветер всегда дует в глаза. Разочаровать не разочаровала, но вместо этого обеспокоила. Знаешь, Фирочка, скажу тебе честно – я не в обиде ни на Алису Георгиевну, ни на Таирова. Мне кажется, точнее – мне хочется верить, что наша с ней дружба переживет эту неприятность. Камерный театр не для меня, и недаром же я так долго не могла туда попасть. Мне бы, дура, сообразить вовремя, что Бог посылает мне знак, а я не сообразила, за что и была наказана. Пора избавляться от наивности, ведь я уже не девочка.

За всеми этими делами совсем забыла написать тебе о моих ролях. Ах, у меня есть роли! Я снова играю на сцене! Счастью моему нет предела, и за это я могу мириться со всем. С нашим дорогим Юрием Александровичем, который

настолько себе на уме, что порой его совершенно невозможно понять. С неприятной труппой, в которой приятных людей можно пересчитать по пальцам, причем будет достаточно одной руки. С тем, что мне регулярно приходится выслушивать оценку моих способностей от людей, которые ни черта не смыслят в искусстве. И чем меньше у них понимания, тем резче их оценки.

Пусть! Пусть! Плевать на все! Главное, что я снова на сцене. Истосковалась по ней ужасно. Моя любимая роль – мамаша-мещанка в пьесе «Чужой ребенок». Своих детей у меня нет, но это еще не означает, что я не могу и не умею играть мамаш. Мне очень хочется, чтобы ты приехала в Москву и увидела бы меня в этой роли. Моя Мамаша гораздо интереснее Глафиры из «Последней жертвы». Вот уж никогда не думала, что доживу до Глафиры. Это я шучу, Фирочка. Мне кажется, что жизнь моя только начинается и проживу я еще долго-долго. А еще я играю коммунистку Оксану в пьесе «Гибель эскадры». Роль мне нравится, а вот сама пьеса не очень. Она похожа на «Оптимистическую трагедию», которую поставили в Камерном, но сильно ей уступает. Свою Оксану я невольно сравниваю с Комиссаршей, которую сыграла Алиса Георгиевна, и чувствую, что сильно проигрываю в сравнении с нею. Вот видишь – я опять о наболевшем. Пожалуй, пора заканчивать письмо. Оно получилось длинным. Я такая, долго собираюсь написать, но как соберусь, так меня уже не остановить.

Целую тебя, моя милая, и с нетерпением жду твоих писем. Они для меня как глоток родниковой воды в жаркий день (прости мне это выпренное сравнение, но так оно и есть).

Твоя Фаня.

PS. На Пятницкой, возле бывшего магазина Крестовникова столкнулась с Анечкой Маркеловой. Ты должна помнить эту томную брюнетку, которая дружила с моей сестрой и весьма прочувствованно пела «Гори, гори, моя звезда». Она теперь не Маркелова (взяла фамилию мужа) и служит делопроизводителем в какой-то снабженческой конторе при промкооперации. Сильно располнела, но это ей идет, выглядит настоящей боярыней. Муж у нее тоже работает в снабжении, только в другой конторе. Золота на ней, что игрушек на праздничной елке. Сразу видно, что человек не бедствует. В Таганроге не была с 19-го года и не имеет желания туда ехать (ты понимаешь почему). Пригласила ее в театр. Очень приятно приглашать знакомых на спектакли с моим участием. Оказывается, Анечка помнила обо мне и искала на

афишах мою фамилию, только не знала, что я стала Раневской. После встречи с ней проплакала весь вечер, нахлынули воспоминания. Павла Леонтьевна меня успокаивала, но безуспешно. Если уж я начну плакать, то надолго. В последнее время всякий раз, как вспомню Таганрог, так сразу начинаю плакать. Стала ужасно сентиментальной. Впрочем, может, всегда такой была, просто раньше не понимала. В последнее время очень часто мне снится мама. Чаще одна, но иногда вместе с отцом. Просыпаюсь среди ночи и тоже плачу. Мне не в чем себя упрекнуть, но все равно чувствую себя виноватой перед родителями. Так оно, наверное, и есть, ведь я не оправдала их надежд. И своих собственных пока что тоже не оправдала.

Грустно мне, Фирочка, очень грустно. Уверена, что ты меня понимаешь, тебе ведь тоже бывает грустно. Вроде и не одинока я, слава Богу, у меня есть Павла Леонтьевна, есть несколько близких людей, в числе которых ты, но тоска все равно камнем лежит на сердце.

16 апреля 1936 года

Здравствуй, Фирочка!

Давно уже не было так, чтобы праздник[55 - Речь идет о празднике Песах.] совпал с праздником моей души. Не хотела писать тебе до премьеры, но не могу вытерпеть.

У меня новость! У меня – Роль! Я пишу это слово с большой буквы, потому что это такая роль, что всем ролям роль! У нас ставят горьковскую «Вассу», и я играю ее! Это мой шанс, Фирочка. Это возможность доказать всем, чего я стою как актриса. Главная роль в такой пьесе на столичной сцене!

Юрий Александрович со своей студией уехал в Ростов. Вместо него пришел Алексей Попов[56 - Попов Алексей Дмитриевич (1892–1961) – известный советский актер и театральный режиссер, теоретик искусства, педагог. Народный артист СССР (1948). Лауреат трех Сталинских премий (1943, 1950, 1951).], который до этого руководил Театром Революции. Он начинал в Художественном, затем был у Вахтангова. Его стиль – смесь Станиславского и Вахтангова, я не со всем согласна, но в целом, как режиссер, он мне нравится. Яркая личность, умеет увлечь. К сожалению, «Вассу» ставит не он, а режиссер Телешева[57 - Телешева Елизавета Сергеевна (1892–1943) – советская актриса,

режиссер и театральный педагог. Заслуженная артистка РСФСР (1933).], которую мы за глаза зовем Бедной Лизой. Она и впрямь бедная – таланта ни на грош, а гонору на сто рублей. Поставила под опекой сильных режиссеров «Мертвые души» да «Горе от ума» и теперь мнит себя ровней самому Станиславскому. А сама не умеет даже правильно прочесть пьесу. Нет, читать она умеет, грамотная, но не может понять замысла драматурга. Мне не очень-то нравится Горький как писатель, но как драматурга я его обожаю. «Васса» – замечательная пьеса. Она была хороша, а после того, как Горький ее переписал, стала просто бриллиантом. Но в ней многое сказано между строк, и если не можешь этого уловить, то нечего браться за постановку.

Я вижу Вассу несчастной женщиной, которую изломала, испортила жизнь. Ее трагедия заключается в слишком большой любви к собственности. Ты, Фирочка, понимаешь, что мне эта трагедия очень хорошо знакома. Ужасно, когда деньги застилают весь белый свет и все меряется только ими. Наша Лиза требует, чтобы я играла жестокую буржуйку, а я хочу играть несчастную женщину. Она, конечно, мерзавка, но что-то хорошее в ней все равно сохранилось. Знаешь, Фирочка, я не могу играть роль, если не полюблю свою героиню или же хотя бы не буду ей сострадать. Без сострадания не получится образа. Приведись мне играть Амана[58 - Аман – персонаж Ветхого Завета, царедворец персидского царя Артаксеркса, задумавший из зависти к своему сопернику Мардохею истребить всех евреев Персии. Победе над Аманом посвящен еврейский праздник Пурим.], я и в нем бы постаралась найти что-то хорошее.

Сильная, несчастная, изломанная жизнью женщина – вот какой мне видится Васса. Я очень боюсь не справиться, боюсь, что не смогу воплотить ее такой, какой ее выписал Горький, но я стараюсь изо всех сил. Если мне удастся справиться с ролью Вассы, то это будет триумф. На кон поставлена моя репутация. Я должна доказать, что я чего-то стою как актриса. Доказать или же уйти в гардеробщицы[59 - Из статьи Фаины Раневской, опубликованной в сборнике «Васса Железнова», изданном Всероссийским театральным обществом в 1960 году: «Хорошо помню мое первое впечатление от пьесы. Я была потрясена силой горьковского гения. А сама Васса внушала мне и чувство сострадания, и ужас, и даже омерзение, но, пожалуй, над всем превалировало сострадание. Образ Вассы неотразимо привлекал меня своей трагической силой, ибо в мировой драматургии эта пьеса навсегда останется одной из величайших трагедий собственности... Еще не отдавая себе полностью отчета в том, что думает Васса о своем классе, чему можно и чему нельзя верить в ее речах, я чувствовала глубокое сострадание к ее женской и человеческой судьбе. Сказывались, вероятно, мои личные актерские симпатии. Меня всегда

привлекали образы «неустроенных», обойденных счастьем, но непременно сильных, интересных людей, богатых и сложных натур. Несчастья и слабости бесцветных сереньких людей, даже их «трагическая» неустроенность не вызывают во мне ни сострадания, ни любопытства. Но Васса, трагическая Васса, глубоко волновала меня. Роль эта принесла мне, актрисе, много страданий, так как я и в то время сознавала, что мне не удастся воплотить ее с той силой, с какой она дана Горьким. И теперь, даже через два десятилетия, я испытываю жгучее чувство мучительного недовольства собой...»].

Я стараюсь, но Бедная Лиза вместо того, чтобы мне помогать, всячески мешает. Она примитивно трактует пьесу, образы ей видятся плоскими, и это свое видение она пытается навязать актерам. Прежде всего мне, потому что я играю главную роль. Я не поддаюсь, спорю, доказываю свою правоту. Я (и все мы) уже заметила, что Лиза не выдерживает долгого натиска. Если стоять на своем крепко, то она рано или поздно сдастся. Так оно поначалу и было, но Бедная Лиза, желая сохранить остатки своего режиссерского авторитета, пожаловалась Попову на то, что я мешаю ей ставить спектакль, и поставила вопрос о том, чтобы роль Вассы передали другой актрисе. Попов пригласил меня в свой кабинет и долго со мной разговаривал. «Телешова – режиссер, она болеет душой за дело, вы должны сотрудничать, а не пререкаться, а то постановка будет сорвана...» Я не выдержала и говорю: «Скажите уж прямо – или слушайся Телешову, или отдавай роль. Я могу и отдать. Могу Анну сыграть вместо Вассы». Он рассмеялся и развел руками, давая мне понять, что так оно и есть. Не выношу такой «деликатности». Предпочитаю, чтобы мне все говорили прямо. Попову ничего не ответила. Думала два дня. Моя дорогая Павла Леонтьевна в Ростове, и мне не с кем было посоветоваться. Я решила, что роль отдавать не стану, спорить с Лизой не стану (кстати, она сама предложила мне сыграть Вассу, я не напрашивалась), а буду тихо, без прений, делать так, как считаю нужным. Так вот и репетируем. Решение мое оказалось верным лишь отчасти. Лизе не хватает ни опыта, ни ума, чтобы понять многое из того, что я делаю. Я говорю «да», а делаю то, что хочу. Но иногда, в каких-то сценах, мне приходится делать так, как говорит мне она. Чувствую при этом себя так, будто меня изнасиловали. Это же, в сущности, и есть насилие над моей волей. Ты понимаешь, что я была бы не я, если бы иногда не подпускала бы нашей Лизе шпильку-другую. Беда только в том, что она, по скудоумию своему, совершенно не понимает иронии. Не притворяется, как я думала раньше, а в самом деле не понимает. Недавно я спросила ее, притворившись дурочкой, какой она меня, вне всякого сомнения, и считает, почему Чехов назвал «Вишневый сад» «комедией»? Там же комического не больше, чем в «Гамлете». Хотела спровоцировать ее на дискуссию, но вместо этого услышала короткое: «Чехову виднее». – «Да, – говорю, – ему виднее, но

хотелось бы и ваше мнение услышать». – «Когда соберусь ставить “Вишневый сад”, тогда и скажу». Вот и поговори с такой. Ох, за что мне такое несчастье? В кои-то веки получила хорошую большую роль. Разве нельзя было в придачу к ней еще и мало-мальски толкового режиссера дать?

Ниночка, которой я пожаловалась на Бедную Лизу, дала мне хороший совет. Она считает, что Лизины придирки можно употребить на пользу делу. Играя Вассу так, как хочет Лиза, я получаю возможность подчеркнуть, что Васса – жертва обстоятельств, показать внутреннюю трагедию, скрытую под маской жестокой и властной женщины... Ладно, не буду морочить тебе голову трактовкой роли. Это долго объяснять и интересно только мне самой. Всем остальным важен результат – спектакль. Я иногда думаю, что на премьере стану играть так, как считаю нужным. Дорепетирую кое-что дома и покажу зрителям Вассу такой, какой ее сама вижу. Но сразу же пугаюсь последствий. Подобное своеволие просто так с рук не сходит. Останусь без роли, а то еще и из театра придется уйти. Грех упускать шанс, который послала мне судьба. Надо постараться сделать так, чтобы и волки были сыты, и овцы целы. Чтобы и роли не лишиться, и сыграть Вассу так, как мне хочется. В голове полный сумбур. Ты, наверное, уже поняла это, читая мое письмо. Про Вассу больше писать не буду, напишу после премьеры, если до нее дойдет дело.

После отъезда Ю.А. мне приходится трудно. Вышло так, что все, кто хорошо ко мне относился, уехали в Ростов. В театре остались только недоброжелатели, которыми верховодит уже известная тебе Добржанская. В «Вассе» она играет Рашель. (Но конечно же мечтает сыграть Вассу, несмотря на то что не подходит по возрасту на эту роль, но она уповает на слова Горького «лет 42, кажется – моложе».) Из-за этого мне очень трудно давалась сцена, когда Васса посылает Анну в жандармское управление, чтобы сообщить про Рашель. Мне нужно показать в этой сцене борьбу плохого с остатками хорошего в душе Вассы, но я мысленно вижу не Рашель, а Добржанскую, и никакой борьбы не получается – ее бы я не только жандармам, а чертям бы отдала с радостью, чтобы взяли да унесли куда подальше. Ненавижу ее! Если бы ты только слышала, что она обо мне рассказывает! Не хочется пересказывать эту чушь, но ведь некоторые в нее верят... Сплетни, Фирочка, ранят больнее всего. Обращать на них внимание означает признать, что они меня задевают. Не обращать тоже не получается, не выдерживаю. Тут каменный характер надо иметь, чтобы сохранять спокойствие, когда меня обзывают «спекулянткой», «проституткой», «горькой пьяницей» и еще черт знает как. Теперь прекрасно понимаю, почему люди придумали дуэли. Для того чтобы держать в узде таких вот сплетников. С удовольствием вызывала бы ее на дуэль и застрелила бы без сожаления, так она меня допекла!

Другие тоже хороши – постоянно делают мне гадости. Если оставляю без присмотра коробку с пудрой, мне туда насыплют соли. У стула в гримерной подпилили ножку. Я упала и больно ушиблась. Осмотрела сломанную ножку. Она на две трети гладкая – явно пилили. Отнесла стул в дирекцию, на меня там смотрели, как на сумасшедшую. Как будто не дирекция должна следить за порядком в театре. Вспомнила там и про пудру. Сказала: «В Крыму, в голодное время можно было в гримерной кусок хлеба оставить и никто бы его не тронул, несмотря на то что все недоедали. Потому что вокруг были люди, а не черт знает кто!» Так мне за это «черт знает кто» хотели дать выговор, как будто я оскорбила весь коллектив. Хорош коллектив, от которого грим приходится запира́ть в ящик. Перед тем как пить воду из графина, приноживаюсь – уж не пахнет ли чем. Вот до чего дошла. Очень трудно служить искусству в такой обстановке с такими режиссерами, как Бедная Лиза, но я служу, потому что ничего другого делать не умею. Награда мне одна – аплодисменты. Я, в отличие от некоторых, не раздаю контрамарки батальонам своих любовников, чтобы те кричали мне «браво». Какой батальон? У меня и одного-то любовника нет, что тоже дает повод для сплетен. Есть любовник – есть повод, нет любовника – тоже есть повод, выпивает человек – повод, в рот не берет – тоже повод. Было бы желание ославить, а повод всегда найдется. Чувствую, доведут они меня до того, что я выступлю на собрании. Насыплю всем перцу на хвосты и потребую, чтобы мою речь занесли в протокол слово в слово. Не хочется доводить до крайностей, но, видимо, придется.

Павла Леонтьевна пишет мне грустные письма. Ей в Ростове не нравится, но деваться некуда. Пишет, что театр большой и неудобный, а у Ю. А. начал портиться характер. Я, собственно, чего-то такого и ожидала. Но Ю.?А. просто некуда было деваться. В ЦТКА его отношения с начальством день ото дня становились все прохладнее, и лучше было получить театр в Ростове, чем остаться на бобах, с одной лишь студией, которую не сегодня завтра закроют. Что бы он тогда делал? Пошел бы очередным режиссером в Театр Революции или ограничился бы игрой во МХАТе? А так посидит в Ростове до тех пор, пока в Москве не появится подходящий вариант. Сам Ю.?А. говорит, что Ростов – это надолго, но я ему не верю. Это на два-три года, самое большее – на пять лет. Дольше он там не высидит.

У меня есть еще одна новость, чуть было о ней не забыла. Помнишь Игоря Николаевича[60 - Речь идет о советском режиссере театра и кино Игоре Андреевиче Савченко (1906–1950), в фильме которого «Дума про казака Голоту» (1937) Фаина Раневская сыграла попадью.], главного режиссера Рабочего

театра? Он уже несколько лет живет в Москве, мы с ним иногда видимся. Он начал работать в кино и, как мне кажется, очень успешно, снял хорошую картину под названием «Гармонь» (посмотри ее, если не видела). Игорь Николаевич видел «Пышку», ему все понравилось – и сама картина, и моя госпожа Луазо. Он хочет снять меня в своей следующей картине. Смешно – человек еще не знает, что именно он будет ставить, но уже знает, кого он станет снимать. Я сказала, что соглашусь играть у него любую роль, хоть статую или огородное пугало. Он ответил, что имеет на меня более значительные виды. Игорь Николаевич слов на ветер не бросает, жду приглашения и гадаю о том, что это будет за картина и что за роль. Уверена, что будет что-то революционное, к юбилею[61 - Речь идет о двадцатилетней годовщине Октябрьской революции, которая отмечалась в 1937 году.]

Если не в этом, то в будущем году непременно поеду в санаторий. Врачи советуют мне Минводы или Ессентуки. Знаешь, что я подумала? Если ты никак не можешь выбраться в Москву, а я – в Баку, то может, мы отдохнем вместе? У меня есть возможность обеспечить тебя путевкой. Надо только согласовать время. Я могу отдыхать только в июле или августе, когда в Баку самая жара, поэтому ехать в ваши санатории мне не хочется. Напиши мне, что ты об этом думаешь.

Будь здорова, дорогая моя, не болей!

Целую тебя сто раз!

Твоя Фаня

(поверишь, чуть было не написала «Твоя Васса»).

6 июля 1936 года

Здравствуй, моя милая Фирочка!

Вчера состоялась премьера «Вассы». Очень жаль, что Горький до нее не дожил. Каких-то две недели![62 - Максим Горький скончался 18 июня 1936 года.] Жаль!

Публика приняла спектакль хорошо. Мне не пришлось краснеть за мою Вассу, хотя ее примерно на треть все же испортила Бедная Лиза. Но хоть на треть, а не наполовину или совсем – и то хорошо. Там, где я ничего не могла сделать, я делала небольшую, но выразительную паузу. Уже по этой паузе зрители понимали, что внутри Вассы происходит борьба. Лиза на паузы внимания не обращает, ей важно, чтобы я вышла в нужный момент и т. п. Честно скажу, что Васса могла бы получиться гораздо лучше, но и такой она мне тоже нравится. Постараюсь со временем отвоевать обратно все уступки, которые я сделала Бедной Лизе. Вот дождусь первых похвал в газетах (а они непременно будут, я это чувствую) и начну отвоевывать. Тогда уже никто у меня мою Вассу, которая мне теперь как сестра, не отнимет.

Волновалась я ужасно, настолько, что три ночи перед спектаклем пила снотворное, чтобы заснуть. Мне казалось, что в последний момент случится что-то плохое. Ох, Фирочка, не спеши думать, что я дура. Слишком уж часто у меня «в последний момент» случалось плохое. Ты же знаешь, какая я невезучая. Наверное, потому, что вылезла на свет не головой вперед, как все нормальные люди, а ногами. Но, к счастью, страхи мои оказались напрасными.

По этому случаю побаловала себя двумя новыми платьями, которые заказала новой портнихе, которую мне сосватала наша гримерша. Я видела на ней платье, которое эта портниха сшила. Оно сидит замечательно и скрывает все, что следует скрыть. И притом, говорят, что шьет она быстро. Это я тоже очень ценю. Была у меня одна такая – шила хорошо, но тянула от Пурима до Хануки[63 - То есть очень долго. Праздник Ханука отстоит от праздника Пурим на девять месяцев.]. Сразу же после спектакля отправилась на телеграф и отправила телеграмму Павле Леонтьевне, а затем вместе с Ниночкой праздновали премьеру у меня, потому что рестораны уже закрылись. Закусывали вино халвой и проболтали до утра. Ниночка рассказала, что Таиров тоже собирается ставить Горького, только не «Вассу», а «Детей Солнца». Эту пьесу забыли на тридцать лет, а сейчас снова начали ставить. Разумеется, Лизу в «Детях» сыграет Коонен. Знаешь, милая моя, как Таирову предлагают прочесть пьесу? Говорят: «Вот здесь есть хорошая роль для Алисы Георгиевны». Иначе он и читать не станет. В свое время в Художественном, к слову будь сказано, Лизу играла Андреева[64 - Андреева Мария Федоровна (урожденная Юрковская; 1868–1953) – русская актриса, общественная деятельница. Была гражданской женой Максима Горького с 1904 по 1921 год.]. Но Таиров конечно же поставит «Детей» на свой лад. Интересно будет посмотреть, что из этого получится. Ниночка была на премьер «Вассы» и непременно уже рассказала о ней в Камерном. Мне любопытно – придет ли посмотреть на меня Алиса Георгиевна? Или даже вместе

с Таировым? Очень хочется, чтобы пришли. Не тщеславия ради, не подумай! Просто хочется, чтобы они увидели, на что я способна. Ниночке очень понравилось, как я играла. Правда, к ее словам надо относиться с некоторой осторожностью, потому что она всегда меня хвалит, даже тогда, когда я недовольна собой. Такая уж у нее добрая душа. Но сейчас я чувствую, что она хвалит меня искренне. Жалею, что Горький не дожил до премьеры. Знаешь, Фирочка, похвала автора – это высшая из похвал. Мне было очень приятно (моя сестра сказала бы: «невыносимо приятно»), когда Константин Андреевич[65 - Тренев Константин Андреевич (1876–1945) – советский прозаик и драматург, лауреат Сталинской премии первой степени (1941). Познакомился с Фаиной Раневской и Павлой Вульф в Крыму в 1919 году. В его известной пьесе «Любовь Яровая», поставленной Смоленским драматическим театром в 1926 году, Павла Вульф сыграла главную героиню, а Фаина Раневская – Дуньку-спекулянтку.] похвалил мою Дуньку. Задача актера в том, чтобы донести до зрителей замысел автора пьесы. Если автор говорит, что именно такой он и представлял себе свою героиню, значит, образ удался на славу.

Хочешь знать, чем я занималась накануне генеральной репетиции? Разложила перед собой две «Вассы», старую и новую[66 - В 1935 году Максим Горький написал второй вариант пьесы «Васса Железнова», в котором, согласно требованиям времени, обострил тему классово-борьбы. Пьеса подверглась столь масштабной переработке, что можно сказать, что «Васса Железнова» 1910 и 1935 годов это две разные пьесы с одними и теми же героями.], сравнивала их (я это делаю не в первый раз) и мысленно разговаривала с Горьким так, как я разговариваю с Чеховым. Со стороны может показаться, будто я сошла с ума, но такой метод помогает мне лучше понять пьесу. Когда режиссер ни рыба ни мясо, приходится доходить до всего своим умом. «Ни рыба ни мясо» это еще мягко сказано. Правильнее было бы сказать: «полная дура». Если бы ты видела, как ее раздражает тетрадка, в которую я записываю свои мысли о роли. Она бледнеет и трясется всякий раз, когда я ее раскрываю. «Фаина, ну что вы снова полезли в свой Талмуд?!» А я нарочно подолгу перелистываю страницы, чтобы ее разозлить. У нее никакого «Талмуда» нет, потому что ей нечего туда записывать.

В этом году у меня «юбилей» (ты, милочка, знаешь, почему я взяла это слово в кавычки)[67 - Фаина Раневская рассказывала, что во время установления единой паспортной системы в СССР в начале тридцатых годов прошлого века она убавила себе несколько лет, но сколько именно, осталось неизвестным. Официально годом ее рождения считается 1896 год.]. По старым правилам мне полагался бенефис, но в советском театре бенефисов нет, даже номинальных[68 - При номинальном бенефисе актер, в честь которого давался спектакль, не

получал выручки от него. Иначе говоря, слава доставалась актеру, а выручка – антрепренеру.]. Скажу тебе честно, что я этому рада. Бенефисы зло. Сколько из-за них было скандалов! Что ни бенефис, то обиды и раздоры. Кроме того, бенефициант имеет право выбора пьесы, а это не всегда идет на пользу репертуару. Ты можешь подумать, что я придерживаюсь такого мнения потому, что у меня самой никогда не было бенефисов, но я на это скажу, что Павла Леонтьевна, у которой их были десятки, считает точно так же.

День рождения хочется отметить как-то необычно. Люблю я этот гойский праздник[69 - У евреев не принято отмечать свой день рождения. Единственный день рождения, который упомянут в Торе, это день рождения фараона (книга «Берешит» («Бытие»), 40:20–22), угнетателя еврейского народа. Один из идеологов и основоположников направления религиозного сионизма раввин Шмуэль Могилевер высказался по этому поводу так: «Мы видим на этом примере разницу между евреем и неевреем: еврей в день своего рождения уединяется, анализирует свои поступки и судит себя самого, а фараон в свой день рождения устроил пир и судил других: кого хотел – казнил, кого хотел – миловал».]. В детстве мне было обидно, что у нас дома не празднуют именин. Чувствовала себя обделенной, лишенной дня, в который дарят подарки. Я так скажу тебе, Фирочка, – никаким поводом для праздника пренебрегать нельзя. В жизни и без того не очень много радости. Зачем лишать себя лишней радости? Мне не столько важны подарки, сколько радость. Утро начинается с телеграмм, среди которых есть и твоя. Телеграмм немного, но каждая из них для меня дороже слитка золота. Мои друзья помнят обо мне, я не одинока, а значит, я счастлива.

Павла Леонтьевна собирается приехать из Ростова для того, чтобы посмотреть «Вассу». Юрий Александрович обещал выписать ей командировку. Ему все равно нужно отправить кого-то в Главрепертком[70 - Главный комитет по контролю за репертуаром при Народном Комиссариате по просвещению РСФСР, а с 1936 года – при Всесоюзном комитете по делам искусств.] для оформления документов. Если уж и Павла Леонтьевна меня похвалит, то... Ладно, не буду загадывать. Вдруг ей не понравится. Она добра и никогда не ругает меня, а всего лишь мягко указывает на мои ошибки, но если ошибок много, то я понимаю, что роль мне не удалась. Мнение моего доброго ангела бесценно для меня, потому что среди моих знакомых нет больше человека такого таланта и такого опыта. Павла Леонтьевна олицетворяет для меня все лучшее, что есть в русском театре. Я говорю это без какой-либо выпренности, так оно и есть.

Не отказала себе в удовольствии прилюдно посочувствовать нашей Фифе по поводу запрещения аборт[71 - 27 июня 1936 года было принято Постановление СНК и ЦИК СССР за № 309 «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах»]. «Ай-яй-яй, – говорю, – как же вы теперь будете обходиться?» Она позеленела от злости, но в перепалку со мной вступать не стала. Знает, что я за словом в карман не полезу. С некоторых пор я перешла от оборонительной тактики к атакам. Вставляю шпильки при любой возможности. Если уж меня не любят, то надо сделать так, чтобы побаивались. Так спокойнее.

Попов собирается ставить Шекспира, «Укрощение строптивой». Знаю, что об этой пьесе давно подумывает Ю.?А. Он собирался дать мне роль Вдовы. Там, собственно, для меня есть всего две роли – Вдовы и Трактирщицы. Но проживем – увидим, как говорил мой отец: «Шидух[72 - Знакомство мужчины и женщины у евреев с целью вступления в брак.] еще не свадьба». Мама ужасно злилась на него, когда у сестры расстроилась первая помолвка. То и дело упрекала: «Это из-за твоей дурацкой присказки Белла осталась без жениха», хотя на самом деле отец был ни при чем, просто жених и его родители были с придурью. Сегодня решили, завтра передумали. С кем не бывает? Сестра совершенно не расстраивалась по этому поводу. Подумаешь – жених? У нее кандидатов в женихи всегда было несколько. Ах, как я ей завидовала!

С этим международным шахматным турниром была такая горячка[73 - Речь идет о Третьем Московском международном шахматном турнире, проходившем с 14 мая по 8 июня 1936 года в Москве.], что я интереса ради выучилась играть в шахматы. Как кто ходит, я знала и раньше (брат показал еще в детстве), а вот что надо делать, представляла плохо. Теперь могу поддержать компанию в поезде. Интеллигентный человек должен уметь играть в шахматы, а не в шашки или домино. Но мне в поездах большей частью предлагают сыграть в карты, от чего я всегда отказываюсь. Наслышана про этих жуликов, которые обирают пассажиров до нитки. С ними только свяжись... Да и играют они не в преферанс, а в какие-то ужасные игры. Должна сказать, что поезда стали ходить быстрее, но ездить в них теперь хуже, чем раньше. Раньше попутчики не лезли друг к другу с разговорами, а теперь книгу спокойно почитать нельзя – непременно кто-то пристанет. Меня шокирует нынешняя простота нравов. Ну как можно обращаться на «ты» к незнакомым людям, да еще и в повелительном наклонении? Входишь в трамвай и слышишь: «Эй, тетка, передай за билет!» Я на днях одного такого «племянника» отчитала так, что он не знал, куда ему деться.

А некоторые в ответ на замечание отвечают: «Нынче не старое время, чтобы церемонии разводить». Церемонии церемониями, а воспитание воспитанием. Меня просто убивает, когда в зале во время спектакля грызут семечки или вдруг начинают громко сморкаться. Читаешь трагический монолог под аккомпанемент этих «иерихонских труб». Ужасно!

Ты напрасно думаешь, что я предлагаю тебе какую-то аферу с путевкой. Я имею право взять еще одну путевку, кроме своей, для кого-то из родственников. Почему бы не сделать это для двоюродной сестры? Документов ведь все равно никто не спрашивает, достаточно одного моего заявления. А ты, Фирочка, мне ближе, чем родная сестра, говорю тебе об этом прямо. Почему бы нам не воспользоваться удобным случаем и не отдохнуть вместе? В этом году не получится, а в будущем можно.

Два дня назад видела во сне Таганрог. В моих снах он лучше, чем наяву. Совершенно верно написал о нем Чехов – мертвый город. Слово «Таганрог» связано у меня с тоской. Но во снах вижу другой Таганрог – веселый, радостный. Я знаю, что Таганрог всегда снится к чему-то хорошему. На сей раз – к премьере «Вассы».

Глядя на Бедную Лизу, ужасаюсь тому, как она относится к своему делу. Станиславский самолично отбирает материалы для актерских костюмов, занимается реквизитом, а эта шикса спихнула все на безответных костюмерш и считает, что так и надо. Я свою Вассу одевала самостоятельно. Кое-что даже докупать пришлось, но я не жалею денег на такие траты. Готова на любые жертвы во имя искусства.

Как твои дела, милая моя Фирочка? Благодаря твоим обстоятельным письмам я так хорошо представляю твой трест, будто сама там работаю. Если когда-то доведется играть бухгалтера, то, благодаря тебе, сыграю как следует. Для меня очень важно иметь четкое представление о профессии моих героинь. Не подумай только, что я ходила на панель для того, чтобы сыграть Зинку в «Сонате». Я говорю о другом, о том, как ведут себя люди той или иной профессии, как они одеваются, какие слова употребляют. Зинку я играла с девушки Матильды, с которой познакомилась в Евпатории. У меня в голове есть копилка, в которую я складываю интересных, ярких людей. Вдруг когда-то пригодится. Эта копилка – самое большое мое богатство.

Целую тебя, милая.

Твоя Фаня.

1 ноября 1936 года

Здравствуй, милая моя Фирочка!

У меня горе! Меня обокрали! Да – обокрали! Цинично, нагло, жестоко. И воры останутся безнаказанными, вот что самое обидное! Не думай, хорошая моя, что у меня снова украли кошелек. Что такое кошелек, чтобы я по нему убивалась?! Пустяк! Ты же знаешь, что я никогда не расстраиваюсь из-за потерянных денег. Столько всего потеряно, что пора бы и привыкнуть. Нет, милая, у меня украли не деньги и не вещи. У меня украли самое ценное, что у меня было, – украли мою Вассу, в которую я вложила свою душу. Душу мою украли! Ты понимаешь, Фирочка, душу!

Не думай, прошу тебя, будто я сошла с ума. Дело в том, что в театре МОСПС[74 - Московский областной совет профессиональных союзов.] одна язва, которую зовут Серафима Бирман[75 - Бирман Серафима Германовна (1890–1976) – известная советская актриса театра и кино, театральный режиссер и теоретик искусства. Лауреат Сталинской премии первой степени (1946). Народная артистка РСФСР (1946).], поставила «Вассу» и сама сыграла в ней главную роль. Бирман эту я знаю давно и ничего хорошего сказать о ней не могу. При всем желании не сказала бы, потому что сказать нечего. Мы не поладили с момента нашего знакомства. Узнав в ней еврейку (а для этого много ума не надобно), я заговорила с ней на идише. Она же в ответ передернула плечами и сказала, что не понимает меня и что она не еврейка, а немка. Боже мой! Во-первых, Фирочка, скажи мне – есть ли такой немец, который не понимает идиша? Худо-бедно все понятно. А во-вторых, достаточно посмотреть на ее нос, как сразу же становится ясно, что никакая она не немка. Я ей так и сказала: «Посмотритесь в зеркало на свой профиль, и вы поймете, что я не ошиблась». Выкресты с фамилиями на «-ман» любили представляться немцами, удобно. Но черт с ее отцом или дедом, не знаю, кто там у них крестился. Дело не в них, а в Серафиме. Она увидела, каким успехом пользуется наша «Васса», и быстро поставила свою. Сама поставила, и сама же сыграла Вассу! Азохнвей![76 - Азохнвей (дословно: «Когда (хочется сказать) “ох!” и “вей!”») – восклицание, выражающее горестное настроение или крайнюю степень изумления.] Ты спросишь: «Почему “азохнвей”?» Да потому что мало кому дано ставить спектакли и играть в них главные роли! Это дано только очень талантливым и,

одновременно, очень требовательным к себе людям, таким, кто умеет посмотреть на себя со стороны трезвым придирчивым взглядом. Бирман не из таких. Как режиссер она много хуже нашей Бедной Лизы, а как актриса... Впрочем, я лучше воздержусь от оценки ее способностей. Я так зла на нее, что вряд ли смогу быть беспристрастной.

Пойми меня правильно, Фирочка. То, что мы первыми поставили «Вассу», не означает, что другие театры не имеют права ее ставить. Имеют, конечно же имеют. Но суть в том, как это делать. Поставить свою «Вассу» или же быстренько скопировать чужую, примазаться к чужой славе. Понимаешь? Режиссер из Серафимы все равно, что из меня балерина. Она увидела, каким успехом пользуется наша «Васса», побывала на спектакле (я видела ее в первом ряду), быстренько слепила (другого слова я подобрать не могу) свою постановку. Ее Васса – копия моей, только бледная, неуклюжая копия. Это не только мое мнение. В театр Мопса (так я зову МОСПС) я ходила с Ниночкой и Ирочкой, которая очень удачно оказалась в Москве. Если Ниночка меня щадит, то Ирочка ко мне беспощадна, она никогда не упустит случая сказать мне что-либо неприятное, но при этом старается быть справедливой. Бедная девочка почему-то считает, что я отняла у нее мать, хотя, на самом деле, я никого у нее не отнимала. Но, так или иначе, а уж если Ирочка сказала, что Бирман играет ужасно, то так оно и есть. Ее Васса выглядит совершеннейшей истеричкой, что неудивительно для всех, кто знает Серафиму. Она играет себя, потому что больше никого она играть не может.

Что же получается? Плохо получается. Премьера в театре Мопса состоялась в прошедшую среду, а о спектакле уже кругом говорят и сравнивают с нашим. Скажу тебе честно, положи руку на сердце. Сравнить тут нечего. Никакого сравнения! В бирмановской Вассе хороши лишь Извольский^[77] - Извольский Николай Александрович (настоящая фамилия – Ливанов; 1874–1949) – русский театральный актер. Заслуженный артист РСФСР (1947).], который играет мужа Вассы, и Гиацинтова^[78] - Гиацинтова Софья Владимировна (1895–1982) – известная советская актриса, театральный режиссер и педагог. Народная артистка СССР (1955). Лауреат Сталинской премии первой степени (1947).], играющая Рашель. Будь у Серафимы хотя бы на грош ума, так она бы отдала роль Вассы Гиацинтовой. Вот это была бы Васса! Но ведь Серафима ставила «Вассу» только ради того, чтобы самой сыграть главную роль. Странно получается. С одной стороны, мопсовская «Васса» дрянь и сравниться с нашей не может. С другой стороны, Серафима все же урвала, украла кусок нашей славы. Наш театр поставил «Вассу», вызвал к ней интерес, а она пришла на готовенькое. Даже Бедная Лиза, которой, как мне казалось, ни до чего нет дела,

и та злится. Разница во времени тоже небольшая – всего четыре месяца. Можно сказать, что оба спектакля поставлены одновременно. Нормальные люди стараются избегать подобных совпадений. В Камерном был такой случай несколько лет назад. Когда Таирову понравилась опера Брехта[79 - Речь идет о пьесе Бертольда Брехта «Трехгрошовая опера», по которой Камерным театром в 1930 году был поставлен спектакль «Опера нищих».], да так, что он заказал ее перевод, на нее положил глаз Театр сатиры. Возник спор, который пришлось решать начальству. Решили по справедливости, в пользу Камерного. А сейчас начальству наплевать на то, что «Васса» одновременно идет на двух сценах! Нет, ты скажи мне, Фирочка, где у этой шалавы совесть? Ей что, больше ставить было нечего? Зла не хватает! И ведь еще уговорит парочку критиков, чтобы те превознесли ее до небес. В театры ходят не все, а газеты читают все. И вся Москва станет говорить, что у «мопсов» Васса лучше. В старое время за такое, если одна труппа под боком у другой ставила ту же пьесу, давали в морду. Сама была свидетельницей того, как это однажды произошло. А сейчас это не принято. Жду теперь каждый день, что «Вассу» поставят в Театре Революции или в Художественном. А почему бы и не поставить? Совсем не осталось порядочности в людях! Внутри у меня гнев так и кипит. Пока что я молчу, но настанет день, когда я выскажу Бирман в глаза все, что я о ней думаю. И как об актрисе, и как о режиссере, а самое главное, как о человеке. Мало ей не покажется, ты же меня знаешь, Фирочка, я молчу-молчу, а как начну говорить, так меня не остановишь.

Довольно о неприятном. Скажу теперь о приятном. Савченко, как и собирался, предложил мне роль в своей картине. По сценарию там есть поп, но ради меня он готов переделать его в попадью. Ты только представь, как он меня ценит! Я сказала ему: «Я мечтаю, чтобы вы сняли “Вассу”». Он улыбнулся (так, знаешь, немного загадочно) и сказал, что эта пьеса непременно будет экранизирована. Надеюсь, что не с Серафимой в главной роли. Она играет Вассу, Хозяйку с большой буквы, боярыню, которая привыкла всеми помыкать, а у нее получается какая-то истеричка. Ох, Фирочка, когда смотрю такие, с позволения сказать, «спектакли», всегда говорю про себя: «Ослепнуть бы мне, чтобы не видеть этого срама». Я так переживаю за искусство, переживаю всегда, когда вижу плохую постановку, даже если она меня напрямую не касается. Мне больно за искусство, за театр, за сцену, которую топчут бездари. А уж в случае с «Вассой» мне больно вдвойне. Когда я у нас в театре возмущалась тем, как «Вассу» поставили «мопсы», наша Фифа сказала мне, что только режиссер вправе критиковать работу режиссера. Мол, если сама ничего ни разу в жизни не поставила, так помалкивай. Я ответила ей, что дело совсем не в этом. Даже человек, совершенно не умеющий стряпать, способен отличить хороший борщ от

баланды. Все дело во вкусе и представлении. Если у человека есть вкус и представление о том, что такое хорошо, то он всегда сможет отличить хорошее от плохого. И как бы вдогонку, вскользь, сказала, что я не занимаюсь огульной пристрастной критикой спектакля, который поставила Бирман. Если что-то получилось хорошо, то я это признаю. Например, Рашель у Гиацинтовой получилась очень яркой. Фифу от этих слов передернуло, и на том наша «дискуссия» закончилась.

И не хочется писать о неприятном, да само собой выходит. За всеми этими неприятностями чуть было не забыла написать тебе другую новость и передать привет от Александра Мачерета[80 - Мачерет Александр Вениаминович (1896-1979) - советский кинорежиссер и сценарист, теоретик кино. Родился и вырос в Баку.] (впрочем, сам он сказал: «Передайте Эсфири привет от Саши»). Но это для тебя он Саша, а для меня Александр Вениаминович. Нас познакомила Ниночка. Мы с ней шли по бульвару и встретили Мачерета. Поговорили немного, он очень приятный человек, а когда он упомянул, что вырос в Баку, я сказала, что год прослужила там в Рабочем театре и у меня там живет близкая подруга. Оказалось, что он тебя знает. Ах, как тесен белый свет! Подумать только - два человека знакомятся в Москве и у них сразу же обнаруживается общая знакомая в Баку. Мачерет кинорежиссер. Оказывается, это он снял «Частную жизнь Петра Виноградова»[81 - «Частная жизнь Петра Виноградова» - молодежная комедия, снятая Александром Мачеретом на Москинокомбинате в 1934 году.]. Надеюсь извлечь пользу из знакомства с ним. Видишь, какая я корыстная - едва познакомилась с человеком, а уже рассчитываю на то, чтобы он дал мне роль в своей картине. Что поделатъ, я смотрю на кинорежиссеров так же, как моя сестра смотрела на холостых мужчин. Можно ли ожидать от него чего-то серьезного или нет? Снявшись в «Пышке», я вошла во вкус и теперь хочу сниматься в новых ролях. С «Пышкой» я, конечно, дала маху. Не сразу поняла, чем обернутся съемки в немой картине, когда на дворе уже эпоха звукового кино. Я только под конец узнала, что «Пышка» снимается для провинции, куда звуковое кино еще не дошло. В крупных городах ее показывали очень мало. Жаль. Я-то мечтала о том, что меня начнут узнавать на улице и можно будет ездить в трамвае без билета. Про трамвай я шучу, но лишняя слава актрисе никогда не мешает. Ладно, буду считать, что первый блин вышел у меня комом, как ему и положено. Посмотрим, что будет дальше. Сорок лет как-никак, полжизни уже прожито, а где поклонники? Алиса Георгиевна не намного меня старше, а попробуй сравни нас. Не подумай, Фирочка, будто я завидую, я просто делюсь с тобой, верная моя подруга, моими мыслями. Тебе я могу доверить все. Ты хорошо меня знаешь, и перед тобой мне нет нужды притворяться. А Екатерине Васильевне было сорок, когда мы с ней познакомились. Так за ней

поклонники толпами ходили, засыпали цветами на сцене и домой присылали по две дюжины букетов в день. Ее квартира на Рождественском бульваре от обилия цветов была похожа на оранжерею. Да не в цветах дело, Фирочка, а в том, что я всю жизнь пытаюсь понять – права ли я была, когда решила стать актрисой? Права ли я была, когда спорила с отцом, который советовал мне выбросить «дурь» из головы? Славы мне хочется не ради денег или каких-то благ. Просто славе предстоит закончить мой давний спор с самой собой, положить конец моим сомнениям. Как только я пойму, что могу считать себя настоящей актрисой, так начну жить спокойно. А то ведь у меня как? На один пряник – три оплеухи. Была Зинка, да сплыла. Не успела «Вассе» толком порадоваться, как появилась пронырливая Серафима со своей «копией». И так далее, примеров много, все перечислять не стану, ты и так все знаешь. Тут поневоле задумаешься о том, а уж не случайны ли мои редкие удачи? Талантливым людям, таким, например, как Алиса Георгиевна или Екатерина Васильевна, удача сопутствует постоянно. Что бы там ни было с Камерным театром, но А.Г. на сцене неизменно пользуется успехом в любой роли.

Ох, не буду продолжать, а то разрыдаюсь.

Целую тебя, Фирочка.

Прости меня за грустное и сумбурное письмо.

Твоя Фаня.

26 ноября 1936 года

Милая моя Фирочка!

Доставая конверт из ящика, ты, наверное, подумала, что я взялась за ум и начала писать тебе регулярно. Ох, милая моя, я бы предпочла совсем не писать тебе этого письма, потому что лучше бы не было повода. Лучше бы я написала тебе, как обычно – через месяц-полтора. Но пишу сейчас. Уже не первый день хочу излить тебе душу. Дважды садилась писать, но начинала плакать и руки дрожали.

У Таирова крупные неприятности. У всего Камерного неприятности. Ты, я уверена, уже знаешь, что «Богатырей»[82 - Музыкальный спектакль по опере-фарсу А. Бородина «Богатыри» в постановке Александра Таирова, по либретто Демьяна Бедного и в оформлении П. Баженова, премьера которого состоялась 10 ноября 1936 года.] запретили вскоре после премьеры, но подробностей ты не знаешь. Я тебе все расскажу, чтобы ты представила, на краю какой глубокой пропасти сейчас находится театр.

Как я узнала от Ниночки (я почти все новости Камерного узнаю от нее), Алиса Георгиевна была против постановки «Богатырей», да еще и с глупыми стишками Демьяна Бедного[83 - Демьян Бедный (настоящее имя Ефим Алексеевич Придворов; 1883–1945) – известный советский поэт и писатель 20-х годов прошлого века. С начала 30-х годов был в опале.]. Ты знаешь, милая, как трепетно я отношусь к поэзии и поэтам. Все им готова простить, кроме отсутствия таланта. Бедный – не поэт и у него не стихи, а именно что стишки. Лучше бы Таиров заказал либретто кому-то другому, а не этому мишигинеру[84 - Придурку (идиш).]. Бедный сейчас не в чести, одно его имя уже вызывает неприязнь, вот зачем Таирову было с ним связываться? Что, разве мало в Москве поэтов? Ниночка не знает, чем Бедный прельстил Таирова, а значит, этого не знает и Алиса Георгиевна, иначе бы она ей сказала. Я подозреваю, что Таирова привлекла скорость, с которой пишет Бедный. Он «печет» свои стишки быстрее, чем блины. Раз-два и готово. Возможно, другие поэты не соглашались портить чужие стихи, ведь наш Демьян не написал либретто от начала до конца, а переработал то, что в прошлом веке написал драматург Крылов (не баснописец, а другой). И то, что Таиров с Бедным давно знакомы, тоже сыграло роль. Ох, неужели Таиров не понимал, что с Бедным связываться не стоит?

Еще во время репетиций «Богатырей» я слышала от Ниночки, что спектакль «так себе». У милой доброй Ниночки эти слова равнозначны моему «жуткая дрянь». Все шло не так с самого начала, Алиса Георгиевна была недовольна, но Таиров делал вид, что ничего не замечает. Я предполагаю (я же хорошо его знаю), что он сделал ставку на «Богатырей», хотел заслужить похвалу свыше. Как же – народная тема, революционный поэт написал либретто, вроде бы все должно быть в духе времени. Его же, бедного, все критикуют за то, что его постановки этому духу не соответствуют. Но Таиров перегнул палку. Точнее, стал гнуть ее не в ту сторону. На премьере был Молотов[85 - В то время он занимал пост Председателя Совета Народных комиссаров СССР.], и ему не понравилось, что на сцене высмеивают богатырей. А Таиров не только богатырей высмеивал, но и крещение Руси, чего ему совершенно не стоило делать. (К слову, если ты не знаешь, то он выкрест, крестился, чтобы получить «правожителство»[86 -

«Правожителство» – право на жительство (постоянное проживание) за пределами т. н. «черты еврейской оседлости» в царской России. Евреи, перешедшие в христианскую веру (вне зависимости от конфессии), могли жить где угодно.].) Это тоже вызвало недовольство, поскольку крещение считается исторически прогрессивным фактом. Молотов ушел после первого акта. Это был очень плохой знак. Стало ясно, что пьесу запретят играть, и так оно и вышло. Но дело не в запрете, Фирочка, а в том, что по поводу этой пьесы было постановление ЦК[87 - Раневская ошибается. О запрете пьесы Демьяна Бедного «Богатыри» было сказано в постановлении не ЦК ВКП(б), а Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1936 года.], и в том, что другие режиссеры сразу же начали пинать Таирова. Я ему за это сразу же простила все обиды. Не выношу, когда пинают упавшего, сердце разрывается от жалости. От Мейерхольда[88 - Мейерхольд Всеволод Эмильевич (настоящее имя Карл Майергольд; 1874–1940) – советский театральный режиссер, актер и педагог. Народный артист РСФСР (1923). Был художественным руководителем Государственного театра имени Мейерхольда (ГОСТИМ), который закрыли приказом Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР от 7 января 1938 года с формулировкой: «Театр окончательно скатился на чуждые советскому искусству позиции и стал чужим для советского зрителя». 20 июня 1939 года Мейерхольд был арестован, а 2 февраля 1940 года расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР как враг народа.] ничего хорошего ждать не приходится. Этот пнет любого режиссера из зависти, потому что сам в искусстве полный профан. В самое тяжелое время у меня даже и мысли не возникало, чтобы пойти к нему на «погост» (так я про себя называю его ГОСТИМ). Помимо того, что он полная бездарность, он еще и страшный самодур и грубиян. Толстой-третий[89 - Толстой Алексей Николаевич (1883–1945) – известный советский писатель.] написал сказку «Золотой ключик». Прочти ее, он там ославил множество народу под видом сказочных героев. Я бы сама не догадалась, но мне объяснили в театре. Главный герой Буратино – это Горький, Мальвина – жена Блока Любовь Менделеева, а сам Блок выведен как Пьеро. В сказке есть злодей Карабас-Барабас, директор кукольного театра, так вот это – Мейерхольд.

Черт с Мейерхольдом, но я очень переживаю из-за того, что сказал Станиславский. Вот надо же было ему, корифею, на старости лет ввязываться в эту свару. Я понимаю, что между ним и Таириным были противоречия, которые порой переходили в конфликты, но нельзя же забывать о милости к падшим. Вот клянусь тебе, Фирочка, что если нашу Добржанскую (ты прекрасно знаешь, как я к ней отношусь) вдруг начнут выгонять из театра, то я ни за что не позволю себе нападать на нее. Может, даже и заступлюсь. Скажу, что молодая еще, не надо ломать ей судьбу. Но пинать ее не смогу. А Станиславский не просто высказался,

он вынес приговор. Назвал Камерный театр дяляческим, обвинил в формализме и сказал, что Камерный – театр Коонен. Представь себе, Фирочка, – «театр Коонен»! Алиса Георгиевна прорыдала больше часа, когда ей передали эти слова. Никак успокоить не могли. Знаешь, милая, мое уважение к Станиславскому после этих его слов не исчезло, но сильно уменьшилось. Уважаю теперь его только как режиссера, но не как человека, увы. Думаю – неужели его так задел уход Алисы Георгиевны к Марджанову?[90 - В 1913 году Алиса Коонен перешла из Художественного театра, в котором начала актерскую карьеру, в Свободный театр режиссера Константина Марджанова (Марджанишвили), где встретила своего будущего мужа Александра Таирова. Сам Марджанов тоже ушел из Художественного театра, в котором он был режиссером.] Неужели он такой злопамятный? Я слышала от человека, не заслуживающего доверия (от одной большой сплетницы), будто Станиславский настроил Луначарского против Марджанова и потому тот был вынужден уехать из Петрограда в Грузию[91 - В июне 1920 года в Петрограде был создан Государственный театр комической оперы, которым руководил Марджанов. В 1922 году Марджанов уехал в Тбилиси, где начал работу по созданию грузинского советского театра.]. Я еще могу понять и объяснить обиду Станиславского на Марджанова. Ты принимаешь в свой театр режиссера, который учится у тебя, а затем открывает у тебя под носом свой театр, да с размахом открывает, с претензией на то, что его театр станет лучшим в Москве. Конкурентов никто не любит. Но таить обиду на актрису, перешедшую из одной труппы в другую, это низко. Крепостное право давно отменено, и, насколько мне известно, Алиса Георгиевна, поступая в Художественный, не связывала себя никакими долгосрочными обязательствами. Вспомнила к слову рассказ Павлы Леонтьевны о том, как ее травили газетчики в Одессе в 1907 году. Стоило ей только приехать, как в одной из одесских газет написали, что актриса Вульф не держит своего слова и ради лишнего рубля готова на все. Представляешь, Фирочка? Павла Леонтьевна была в растерянности. Она не понимала, кому понадобилось ее порочить? Ведь в Одессе у нее не было ни одного врага. Позже оказалось, что то была месть ростовского антрепренера Крылова. Двумя годами раньше Павла Леонтьевна подписала договор с Крыловым, но затем ее пригласили в Москву к Коршу. Корш уплатил Крылову неустойку в 3 тысячи рублей, чтобы заполучить актрису, на которую имел большие виды. Крылов неустойку взял, то есть согласился на уход Павлы Леонтьевны к Коршу, а спустя два года отомстил! Вот негодяй!

Плохо дело! Ох, как плохо! «Богатыри» не первая запрещенная постановка Камерного, к запретам Таирову не привыкать, но на сей раз к запрету примешано много политики. Таирова обвиняют в политической близорукости, саму постановку называют «политическим провалом» и т. д. В «Правде»

напечатали статью «Театр, чуждый народу». Ты только представь себе! Говорят, что Керженцев[92 - Речь идет о председателе Комитета по делам искусств Платоне Михайловиче Керженцеве (настоящая фамилия Лебедев; 1881–1940).] в своем кабинете орал на Таирова так, что было слышно на улице, – неслыханное унижение! Керженцев не любит Таирова с тех пор, как тот уволил с поста заместителя директора Камерного его жену, дамочку, как две капли воды похожую на вашу бакинскую Розу Ефимовну[93 - Жена Платона Керженцева Мария Михайловна (1901–1980) работала заместителем директора Камерного театра в 1927–1929 годах.]. Но вряд ли бы до этого случая он позволил бы себе такое. У Таирова был сердечный приступ, боялись худшего, но, слава Богу, обошлось.

Мы боимся, что театр могут закрыть. Есть основания бояться. Что тогда будут делать Алиса Георгиевна с Таиривым? Что будет с другими актерами? Ах, если бы ты знала, милая моя, как мне жаль Камерный. Прикипела к нему душой навек. Думала, что все уже, отвыкла от Камерного – а нет, не отвыкла. Говорю, что я навек отравлена Таиривым, вроде бы в шутку, а на самом деле всерьез. Ездилa в Камерный, видела всех. Алиса Георгиевна похожа на свою тень. Расцеловала меня, хотела что-то сказать, но начала плакать. Зато Таиров, едва увидев меня, увел в кабинет и начал обстоятельно расспрашивать о моих делах. Посетовал на то, что все никак не может вырваться, чтобы посмотреть «Вассу» в ЦТКА (я оценила этот реверанс), и вдруг сказал: «Простите нас, Фаина, за то, что мы с вами так обошлись». Фирочка, я чуть со стула не упала от удивления. Услышать такое от Таирова! Это так же невероятно, как танцы в Йом-Кипер[94 - Йом-Кипур («Йом-Кипер» в произношении ашкеназских евреев), или День Искупления, – день поста, покаяния и отпущения грехов в иудаизме. Считается наиболее святым и торжественным днем в году. Согласно религиозным предписаниям, в этот день запрещены работа, все виды увеселений и развлечений, прием пищи, питье, умывание, наложение косметики, ношение кожаной обуви и половая близость.].! Я опешила, замерла с раскрытым ртом. Ты же знаешь, милая, какой у меня дурацкий вид, когда я бываю чем-то сильно удивлена. Таиров повторил свои слова. Я пришла в себя и начала убеждать его в том, что ему не за что просить у меня прощения. Вышла трогательная сцена, а затем он сказал, что если бы его театр не находился бы на грани закрытия, то он бы прямо сейчас взял меня в труппу. Я ответила на это, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку, но тут же испугалась, что мой ответ может быть истолкован как свидетельство того, что я на него обижена. Снова растерялась, залепетала что-то несусветное, чуть не разрыдалась. Короче говоря, испортила всю сцену.

Павла Леонтьевна пишет, что Ирочка с Юрием Александровичем наконец-то решили придать своим отношениям официальный вид. Я немного удивлена словом «придать», ведь их уже много лет считают мужем и женой. Правда, свадьбы они не играли. Ирочка сначала не хотела, выжидала, а после как-то забылось. Скажу тебе честно, Фирочка, что я бы ни за что не вышла бы замуж за такого человека, как Юрий Александрович. Он невероятный донжуан, ни одной юбки не пропускает. Я не ханжа и все понимаю – мимолетные порывы, внезапные романы и тому подобное, но во всем надо знать меру. Когда он не думает о постановках, он думает о том, как бы кого-нибудь барен[95 - Барен – поиметь в сексуальном смысле (идиш)].

Павла Леонтьевна долго привыкала к ростовскому театру – он огромный, огромная сцена, зал на 2000 мест. Говорят, что для нашего ЦТКА строят нечто еще более грандиозное, но я надеюсь к тому времени уйти в Малый театр. Так вот, Павла Леонтьевна наконец-то привыкла и теперь восхищает ростовчан своей игрой. Ю.А. на новом месте начал с «Любови Яровой», в которой Павла Леонтьевна на этот раз не играет. Эта роль ей уже не по возрасту, хотя Тренев, который приезжал в Ростов на генеральную репетицию, считает иначе. Он убежден, что Ю.А. должен был настоять на том, чтобы Павла Леонтьевна сыграла Яровую. Ю.А. предлагал Павле Леонтьевне сыграть Марью, но она отказалась. Я ее прекрасно понимаю. Выходить в небольшой роли там, где ты когда-то играла главную героиню, очень трудно. Очень больно.

Оказывается, мы с Павлой Леонтьевной играем одну и ту же роль в одной и той же пьесе – Мотылькову в «Славе». Это для меня очень приятно. Всякий раз, когда выхожу на сцену, мысленно беседую с моим добрым ангелом. Помнишь, как твой отец, благословенна его память, говорил: «Когда просишь, проси понятно». Сейчас часто вспоминаю эти слова. Я всегда молила Бога, чтобы Он дал мне возможность сыграть все роли Павлы Леонтьевны. Я имела в виду такие роли, как Софья в «Горе от ума» или ту же Любовь Яровую. Но вышло так, что мы вместе играем старуху Мотылькову. В «Горе от ума» я не «дослужилась» выше Княгини, а в «Любови Яровой» выше Дуньки.

Павла Леонтьевна только недавно написала мне, что у них (у тех, кто приехал из Москвы) не сразу наладилось взаимопонимание с ростовской частью труппы. Но сейчас, слава Богу, все хорошо, притерлись друг к другу. Надо отдать должное Ю.А. – он умеет примирять актеров. Он очень дорожит своим собственным спокойствием и не хочет видеть вокруг себя раздоры. Не все режиссеры такие. Некоторые считают, что в труппе должны постоянно кипеть страсти, и, если

пару дней все спокойно, сами затеют какую-нибудь свару. Якобы, находясь в возбужденном состоянии, актеры играют лучше, нежели в спокойном. Это совсем не так. В возбужденном состоянии актеры играют плохо, забывают или путают слова, вносят в действие сумятицу.

Молюсь за Алису Георгиевну, за Таирова и за весь Камерный театр. Прошу, чтобы театр не закрыли, а их больше не обижали. Ниночка через знакомых пыталась разузнать о перспективах, но никто пока ничего сказать не может. Обнадеживает лишь то, что во время последнего разговора Таирова с Керженцевым (если это вообще можно назвать разговором!) не было произнесено роковых слов. Но эта надежда слаба. Прошел слухок, что театр могут не закрыть, а реорганизовать, то есть слить с какой-нибудь труппой. Но что тогда получится? Новый театр? Или Камерный с новым руководителем? Нет, лучше уж пусть закрывают. Таиров не перенесет, если кто-то другой станет командовать в его театре. Боюсь, что в таком случае одним сердечным приступом дело не закончится. Вот еще о приступе – когда это произошло, коллеги-режиссеры в один голос начали говорить, что Таиров притворяется, пытается всех разжалобить. Ах, какая мерзость! Ведь все они прекрасно знают характер Таирова. У него столько гонора, что на трех панов хватит, как говорила моя мама. Он никогда не будет пытаться разжалобить. Что бы ни случилось, он будет ходить с высоко поднятой головой и делать вид, будто все ему нипочем. Даже если бы я не знала подробностей о его приступе, то все равно бы не усомнилась бы в том, что он подлинный. Какими же гадкими бывают люди. Я начала понимать отшельников. Насмотришься на все это, плюнешь да уйдешь в пустыню, подальше от людей.

От нервов все лицо пошло прыщами, как у тринадцатилетней. Грим приходится накладывать в три слоя, отчего лицо невыносимо чешется. На каждую мою болячку добавить еще тысячу и наградить тех, кто желает зла хорошим людям.

Целую тебя, милая моя. Напиши мне о чем-то хорошем. Я так жажду хороших вестей.

Твоя Фаня.

12 января 1937 года

Здравствуй, моя милая Фирочка!

Сегодня у меня свободный вечер, который я решила посвятить написанию писем, и первой пишу тебе. Давно уже собиралась написать, еще с прошлого года. Хотя, если считать по старому стилю, то новый год еще не наступил. В детстве я долго не могла понять, почему у нас с заграницей такая разница в датах. Так же, как не могла понять, зачем нужна буква «ять». Люблю, когда все просто и понятно.

Во вчерашней «Правде» увидела фамилию Тренева. Он вместе с Вишневым[96 - Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951) – известный советский писатель и драматург, автор популярной в СССР пьесы «Оптимистическая трагедия».] и двумя незнакомыми мне писателями требует достроить писательский дом в Лаврушинском переулке. Сто тридцать две семьи ждут жилье, дом почти достроен, но какая-то сволочь из Мосгорбанка не отпускает денег на завершение строительства. Эти банкиры как были скупердьями до революции, так и остались. Они скорее с жизнью расстанутся, чем с копеечкой. Представляю, как надо было допечь милейшего Константина Андреевича, чтобы он написал письмо в «Правду». И очень хорошо, что письмо напечатали. Теперь банкиры засуетятся. Переживаю за наших писателей, в особенности за К.А., хотя у самой с жильем беда. Но мы все – я, Павла Леонтьевна, Тата и Ирочка очень любим нашего К.А. Это благороднейший, добрейший человек. Его качества прошли проверку в трудное время в Крыму, а это ведь многое значит. Если бы не он да не Максимилиан Волошин[97 - Волошин Максимилиан Александрович (настоящая фамилия – Кириенко-Волошин; 1877–1932) – русский поэт, переводчик, художник-пейзажист, художественный и литературный критик.], нам пришлось бы тяжело. И так было тяжело, но без них было бы еще тяжелее. Столько лет прошло, а я так и не могу свыкнуться с тем, что Волошин умер, думаю о нем, как о живом. Сердце не отпускает.

В театре тоска. У меня две роли. Играю Вассу и мамашу Мотылькова в пьесе «Слава», которую написал поэт Гусев[98 - Гусев Виктор Михайлович (1909–1944) – русский советский поэт и переводчик, драматург, сценарист.]. Гусев молод, ему еще и тридцати нет, но талантлив и, подобно всем талантливым людям, не мешает, а помогает творить другим. Благодаря ему я могу играть свою Мамашу так, как сама считаю нужным. Если уж автор пьесы говорит «Раневская играет хорошо», то режиссер вынужден с этим согласиться. Некуда деваться. Ох, Фирочка, если бы Горький увидел хотя бы одну нашу репетицию «Вассы», он бы мне помог. Он бы встал и сказал: «Отстаньте вы от Раневской, бездари этикие! Не мешайте ей!» И еще бы добавил, по своей привычке, пару крепких словечек. Гусев, о котором я тебе пишу, написал песню «Полюшко-поле». Ты не могла ее не слышать. Он написал слова, а музыку –

композитор Книппер, племянник Книппер-Чеховой[99 - Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868–1959) – известная актриса, жена А.П. Чехова. Всю сценическую карьеру провела в Московском Художественном театре.]. Напомни мне при встрече о Книппере, я тебе кое-что о нем расскажу такое, чего в письме писать не хочу.

С Вассой дела обстоят хуже, чем с Мамашей. Бедная Лиза взяла привычку устраивать мне разнос после каждого спектакля. Ей не нравится, что с каждым разом я проявляю все больше и больше самостоятельности. Представь себе мое положение, Фирочка. Только что закончился спектакль, в котором я играю главную роль. Такую сложную роль! Я без сил, ощущение такое, будто бы из меня выжали все жизненные соки до последней капли. Мне нужно прийти в себя. Я же живу на сцене, милая моя, а не играю. Я же вместе с Вассой прохожу через все испытания, переживаю все, что пережила она. Мне тяжело, мне нужно прийти в себя, отдохнуть, успокоиться. Я иду в гримерную, а Бедная Лиза, которая не пропускает ни одного спектакля, увязывается за мной следом и начинает назойливо жужжать, будто осенняя муха. «В этой сцене нужно играть так-то, а в этой так-то, а не так, как вы играете». Господи! Да за что же Ты меня так наказал? Что я такого сделала? Я нервничаю, пытаюсь спорить, но наши силы после спектакля неравны. Лиза отдыхала во время спектакля (высматривание, к чему бы еще придраться, работой не назовешь), а я невероятно устала. Поэтому победа остается за ней. Она энергично выговаривает мне и уходит. А я думаю ей вслед: «Чтоб ты росла как лук!»[100 - Еврейское проклятие, которое полностью звучит так: «Чтобы ты рос как лук, головой в землю!»] Спектакль идет не первый месяц, его чаще хвалят, чем ругают. Поругивают иногда, не без этого. Есть такие критики, которые только и умеют, что ругать. Раньше это называлось «гадким характером», а теперь «принципиальной позицией». Но я тебе скажу честно, Фирочка. Если мне и достается от критиков, так за то, что я делаю по требованию нашей Бедной Лизы.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Вульф Павла Леонтьевна (1878–1961) – русская актриса, заслуженная артистка РСФСР (1927), наставница и ближайшая подруга Фаины Раневской.

2

Долинов Анатолий Иванович (настоящая фамилия Котляр; 1869–1945) – русский актер, режиссер, литератор. Держал антрепризу в Одессе в 1902–1906 годах, в начале двадцатых годов прошлого века эмигрировал в Германию.

3

Комиссаржевская Вера Федоровна (1864–1910) – знаменитая русская актриса конца XIX – начала XX века.

4

Имеется в виду Бакинский рабочий театр, в котором Фаина Раневская служила в 1925–1926 годах.

5

Таиров Александр Яковлевич (настоящая фамилия Корнблит; 1885–1950) – создатель и бессменный художественный руководитель (1914–1949) Камерного театра.

6

Коонен Алиса Георгиевна (1889–1974) – актриса, народная артистка РСФСР (1935), жена Александра Таирова и прима Камерного театра. Из воспоминаний Нины Станиславовны Сухоцкой, подруги Фаины Раневской и племянницы Алисы Коонен: «1910 год. Крым. Евпатория. Жаркие летние дни. В большом тенистом саду белый, увитый виноградом одноэтажный домик. Здесь живет с семьей доктор Андреев – главный врач недавно открывшегося туберкулезного санатория. Каждое утро из дома выходят две девочки – дочери Андреева – и с ними сестра его жены – молодая актриса Художественного театра Алиса Коонен, приехавшая в отпуск. Все трое знают, что у калитки в сад, как всегда, их ждет обожающая Алису Коонен Фаина – девочка-подросток с длинной рыжеватой косой, длинными руками и ногами и огромными лучистыми глазами, неловкая от смущения и невозможности с ним справиться... Девочка эта – Фаина Раневская. Актриса, которую она обожает и ради встреч с которой приехала в Евпаторию, – Алиса Коонен. Обняв Фаину, Алиса направляется к морю, за ними – в больших соломенных панамках, как два грибка, – идут девочки. Это я и моя старшая сестра Валя, тоже «обожающая» свою молодую тетю Алю и ревнующая ее к Фаине. Мне в то время было четыре года, Фаине – пятнадцать лет. Не могла я тогда догадываться, что это знакомство перейдет в большую, пожизненную дружбу. После тех евпаторийских встреч я в течение ряда лет лишь изредка встречала ее у моей тетки Алисы Коонен, но эти дни живо сохранились в памяти» (Н.С. Сухоцкая. «Воспоминания об А.Я. Таирове». РГАЛИ).

7

Сухоцкая Нина Станиславовна, упоминавшаяся в предыдущем комментарии, была актрисой Камерного театра.

8

Выражение, смысл которого можно передать как «знаю здешнюю обстановку, знаю, кто с кем дружит и кто с кем враждует».

9

Павла Вульф в то время преподавала в школе Камерного театра.

10

Гельцер Екатерина Васильевна (1876–1962) – русская балерина, звезда советского балета двадцатых годов прошлого века, народная артистка РСФСР (1925). Дружила с Фаиной Раневской. Сценическая карьера Гельцер длилась невероятно долго для балерины, она выходила на сцену еще в начале сороковых годов.

11

Иванова Наталья Александровна (домашнее прозвище Тата) много лет вела хозяйство у Павлы Вульф и считалась не домработницей, а членом семьи.

12

В 1929 году Павла Вульф работала актрисой и режиссером в Дагестанском государственном академическом театре.

13

Анисимова-Вульф Ирина Сергеевна (1907–1972) – дочь Павлы Вульф.

14

«Египетские ночи» – незавершенная повесть Александра Пушкина. Спектакль «Египетские ночи», в который, помимо фрагментов пушкинской повести, вошли фрагменты «Цезаря и Клеопатры» Бернарда Шоу и «Антония и Клеопатры» Уильяма Шекспира, был поставлен Таировым в 1934 году. Фаина Раневская к тому времени давно уже покинула труппу.

15

Шадхен – еврейский сват. «Чувствовать себя как шадхен, который сосватал двух парней» означает: «чувствовать, что совершил большую ошибку».

16

Кулешов Лев Владимирович (1899–1970) – известный советский кинорежиссер, сценарист, теоретик искусства.

17

Ныне – киностудия имени Горького.

18

Эйзенштейн Сергей Михайлович (1898–1948) – известный советский режиссер театра и кино, художник, сценарист, теоретик искусства.

19

Гельцер. См. примеч. 2 на с. 11.

20

Аркадин Иван Иванович (1878–1942) – актер театра и кино, преимущественно игравший комические роли. Служил в Камерном театре в 1914–1938 годах.

21

«Цемент» – роман советского писателя Федора Гладкова, один из первых советских производственных романов, классическое (образцовое) произведение социалистического реализма. Впервые был опубликован в 1925 году и часто переиздавался в СССР.

22

Идише коп – еврейская голова (идиш). Письма Фаины Раневской написаны на русском языке, но включают отдельные слова, написанные на идише.

23

Речь идет о режиссере Юрии Александровиче Завадском (1894–1977), который одно время был мужем Ирины Анисимовой-Вульф. В 1932–1935 годах Завадский возглавлял Центральный театр Красной Армии.

24

Шикса (идиш) – девушка-нееврейка. Употребляется также в оскорбительном значении.

25

Войцик Ада Игнатьевна (1905–1982) – советская актриса, заслуженная артистка РСФСР (1935).

26

«Кукла с миллионными» – советская немая комедия, снятая режиссером Сергеем Комаровым в 1928 году на студии «Межрабпомфильм».

27

Речь идет об известном советском кинорежиссере Иване Александровиче Пырьеве (1901-1968).

28

Мамонт (Мамант) Викторович Дальский (настоящая фамилия Неелов; 1865-1918) – известный дореволюционный русский трагик.

29

Речь идет о Михаиле Афанасьевиче Булгакове и его третьей жене Елене Сергеевне (урожденная Нюренберг), первым мужем которой был сын Маманта Дальского Юрий Неелов.

30

Обже (от фр. *objet de la flame*) – предмет страсти или поклонения (устар.).

31

То есть лишился расположения власть имущих. Один из придворных персидского царя Артаксеркса по имени Аман, враг евреев, был повешен после того, как его интриги разоблачила еврейка Эсфирь, жена Артаксеркса. В честь

избавления от истребления Аманом евреи празднуют праздник Пурим.

32

Семья Фаины Раневской – отец, мать и брат – после революции эмигрировала. Сестра Раневской к тому времени тоже жила за границей с мужем. В Советской России у актрисы не осталось никого из родных.

33

Русский драматический театр Федора Адамовича Корша – московский театр, работавший в 1882–1933 годах. Считался «вульгарным», но пользовался большой популярностью. Корш набирал сильных актеров и еженедельно давал премьеры.

34

Синельников Николай Николаевич (1855–1939) – русский актер, режиссер, один из самых известных дореволюционных антрепренеров Российской империи.

35

Ромм – фамилия владельцев еврейской типографии в Вильно (Вильнюсе), получившей наибольшую известность под своим последним названием «Типография вдовы и братьев Ромм» (1860–1940). Талмуд, изданный в типографии Роммов в 1880-х годах, известен как «Талмуд Виленского издания» и считается одним из самых авторитетных (канонических) печатных изданий Вавилонского Талмуда. В дореволюционный период книги этой типографии были

практически в каждой еврейской семье Российской империи.

36

Театр-студия под руководством актера и режиссера вахтанговской школы Рубена Симонова существовал в Москве в 1928–1937 годах. В 1937 году слился с московским Театром рабочей молодежи и получил имя Московского театра имени Ленинского комсомола.

37

Литваки – территориально-лингвистическая подгруппа ашкеназских евреев, проживавшая на территории современных Беларуси, Литвы, Латвии и прилегающих к ним районах России и Польши. Литваки разговаривают на т. н. «литвиш» – северо-восточном диалекте языка идиш и считают своей исторической столицей город Вильнюс (Вильно), который в прежние времена они называли «Литовским Иерусалимом». Родители Фаины Раневской (Фельдман) были родом из Минской (отец) и Витебской (мать) губерний, т. е. оба были литваками.

38

Давыдов Владимир Николаевич (настоящие имя и фамилия – Иван Николаевич Горелов; 1849–1925) – известный русский актер, театральный режиссер и педагог. Имел звания заслуженного артиста Императорских театров и народного артиста РСФСР.

39

Роковая женщина (фр.).

40

Старшая сестра Фаины Раневской Изабелла Фельдман.

41

МОНО – Московский отдел народного образования. В передвижном театре при этом учреждении Фаина Раневская и Павла Вульф некоторое время работали в 20-х годах прошлого века.

42

Рокамболь – главный персонаж цикла авантюрно-уголовных романов XIX века французского писателя Понсона дю Террай о похождениях Рокамболя. Его имя стало нарицательным для обозначения авантюриста.

43

Центральный театр Красной Армии.

44

Клубок змей (фр.).

45

Добржанская Любовь Ивановна (1905–1980) – советская актриса театра и кино, певица. Лауреат Сталинской премии второй степени (1951). Народная артистка СССР (1965). Наиболее известные роли в кино – мама Деточкина в картине «Берегись автомобиля» и мама Жени Лукашина в картине «Ирония судьбы, или С легким паром!».

46

Хохлов Александр Евгеньевич (1892–1966) – советский актер театра и кино. Народный артист РСФСР (1946). Лауреат Сталинской премии второй степени (1951).

47

Качалов Василий Иванович (настоящая фамилия – Шверубович; 1875–1948) – известный русский актер, один из ведущих актеров Художественного театра. Народный артист СССР (1936). Кумир Фаины Раневской.

48

Гольдфаден Авраам (1840–1908) – еврейский поэт и драматург, автор около 30 пьес, организатор первого еврейского театра, в котором шли пьесы на идише.

49

Зеркалова Дарья Васильевна (1901–1982) – советская актриса театра и кино. Народная артистка РСФСР (1947). Лауреат Сталинской премии второй степени (1946).

50

Помимо работы в ЦТКА и игры во МХАТе, Юрий Завадский с 1924 года руководил созданной им театром-студией.

51

Шлепянов Илья Юльевич (1900–1951) – советский театральный режиссер и художник. Заслуженный артист РСФСР (1933). Лауреат Сталинских премий (1946, 1951). В 1926 году некоторое время работал главным художником Бакинского рабочего театра. С 1928 по 1937 год работал главным художником и режиссером московского Театра Революции (ныне – театр имени Вл. Маяковского).

52

Речь идет о режиссере Павле Анатольевиче Рудине, с которым Раневская и Вульф работали в Крыму в 1918–1924 годах, а позднее – в передвижном театре при Московском отделе народного образования (МОНО) и в театре шахтерского санатория в г. Святогорске (Донецкая область).

53

Народными артистами РСФСР.

54

Таиров с Коонен жили в том же здании, в котором находился Камерный театр. Их квартира находилась на втором этаже, имела отдельный вход и выходила окнами на Большую Бронную улицу.

55

Речь идет о празднике Песах.

56

Попов Алексей Дмитриевич (1892–1961) – известный советский актер и театральный режиссер, теоретик искусства, педагог. Народный артист СССР (1948). Лауреат трех Сталинских премий (1943, 1950, 1951).

57

Телешева Елизавета Сергеевна (1892–1943) – советская актриса, режиссер и театральный педагог. Заслуженная артистка РСФСР (1933).

Аман – персонаж Ветхого Завета, царедворец персидского царя Артаксеркса, задумавший из зависти к своему сопернику Мардохею истребить всех евреев Персии. Победе над Аманом посвящен еврейский праздник Пурим.

Из статьи Фаины Раневской, опубликованной в сборнике «Васса Железнова», изданном Всероссийским театральным обществом в 1960 году: «Хорошо помню мое первое впечатление от пьесы. Я была потрясена силой горьковского гения. А сама Васса внушала мне и чувство сострадания, и ужас, и даже омерзение, но, пожалуй, над всем превалировало сострадание. Образ Вассы неотразимо привлекал меня своей трагической силой, ибо в мировой драматургии эта пьеса навсегда останется одной из величайших трагедий собственности... Еще не отдавая себе полностью отчета в том, что думает Васса о своем классе, чему можно и чему нельзя верить в ее речах, я чувствовала глубокое сострадание к ее женской и человеческой судьбе. Сказывались, вероятно, мои личные актерские симпатии. Меня всегда привлекали образы «неустроенных», обойденных счастьем, но непременно сильных, интересных людей, богатых и сложных натур. Несчастья и слабости бесцветных сереньких людей, даже их «трагическая» неустроенность не вызывают во мне ни сострадания, ни любопытства. Но Васса, трагическая Васса, глубоко волновала меня.

Роль эта принесла мне, актрисе, много страданий, так как я и в то время сознавала, что мне не удастся воплотить ее с той силой, с какой она дана Горьким. И теперь, даже через два десятилетия, я испытываю жгучее чувство мучительного недовольства собой...»

Речь идет о советском режиссере театра и кино Игоре Андреевиче Савченко (1906–1950), в фильме которого «Дума про казака Голоту» (1937) Фаина

Раневская сыграла попадью.

61

Речь идет о двадцатилетней годовщине Октябрьской революции, которая отмечалась в 1937 году.

62

Максим Горький скончался 18 июня 1936 года.

63

То есть очень долго. Праздник Ханука отстоит от праздника Пурим на девять месяцев.

64

Андреева Мария Федоровна (урожденная Юрковская; 1868–1953) – русская актриса, общественная деятельница. Была гражданской женой Максима Горького с 1904 по 1921 год.

65

Тренев Константин Андреевич (1876–1945) – советский прозаик и драматург, лауреат Сталинской премии первой степени (1941). Познакомился с Фаиной Раневской и Павлой Вульф в Крыму в 1919 году. В его известной пьесе «Любовь Яровая», поставленной Смоленским драматическим театром в 1926 году, Павла Вульф сыграла главную героиню, а Фаина Раневская – Дуньку-спекулянтку.

66

В 1935 году Максим Горький написал второй вариант пьесы «Васса Железнова», в котором, согласно требованиям времени, обострил тему классовой борьбы. Пьеса подверглась столь масштабной переработке, что можно сказать, что «Васса Железнова» 1910 и 1935 годов это две разные пьесы с одними и теми же героями.

67

Фаина Раневская рассказывала, что во время установления единой паспортной системы в СССР в начале тридцатых годов прошлого века она убавила себе несколько лет, но сколько именно, осталось неизвестным. Официально годом ее рождения считается 1896 год.

68

При номинальном бенефисе актер, в честь которого давался спектакль, не получал выручки от него. Иначе говоря, слава доставалась актеру, а выручка – антрепренеру.

69

У евреев не принято отмечать свой день рождения. Единственный день рождения, который упомянут в Торе, это день рождения фараона (книга «Берешит» («Бытие»), 40:20-22), угнетателя еврейского народа. Один из идеологов и основоположников направления религиозного сионизма раввин Шмуэль Могилеввер высказался по этому поводу так: «Мы видим на этом примере разницу между евреем и неевреем: еврей в день своего рождения уединяется, анализирует свои поступки и судит себя самого, а фараон в свой день рождения устроил пир и судил других: кого хотел – казнил, кого хотел – миловал».

70

Главный комитет по контролю за репертуаром при Народном Комиссариате по просвещению РСФСР, а с 1936 года – при Всесоюзном комитете по делам искусств.

71

27 июня 1936 года было принято Постановление СНК и ЦИК СССР за № 309 «О запрещении аборт, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах».

72

Знакомство мужчины и женщины у евреев с целью вступления в брак.

73

Речь идет о Третьем Московском международном шахматном турнире, проходившем с 14 мая по 8 июня 1936 года в Москве.

74

Московский областной совет профессиональных союзов.

75

Бирман Серафима Германовна (1890–1976) – известная советская актриса театра и кино, театральный режиссер и теоретик искусства. Лауреат Сталинской премии первой степени (1946). Народная артистка РСФСР (1946).

76

Азохнвей (дословно: «Когда (хочется сказать) “ох!” и “вей!”») – восклицание, выражающее горестное настроение или крайнюю степень изумления.

77

Извольский Николай Александрович (настоящая фамилия – Ливанов; 1874–1949) – русский театральный актер. Заслуженный артист РСФСР (1947).

78

Гиацинтова Софья Владимировна (1895–1982) – известная советская актриса, театральная режиссер и педагог. Народная артистка СССР (1955). Лауреат Сталинской премии первой степени (1947).

79

Речь идет о пьесе Бертольда Брехта «Трехгрошовая опера», по которой Камерным театром в 1930 году был поставлен спектакль «Опера нищих».

80

Мачерет Александр Вениаминович (1896–1979) – советский кинорежиссер и сценарист, теоретик кино. Родился и вырос в Баку.

81

«Частная жизнь Петра Виноградова» – молодежная комедия, снятая Александром Мачеретом на Москинокомбинате в 1934 году.

82

Музыкальный спектакль по опере-фарсу А. Бородина «Богатыри» в постановке Александра Таирова, по либретто Демьяна Бедного и в оформлении П. Баженова, премьера которого состоялась 10 ноября 1936 года.

83

Демьян Бедный (настоящее имя Ефим Алексеевич Придворов; 1883–1945) – известный советский поэт и писатель 20-х годов прошлого века. С начала 30-х годов был в опале.

84

Придурку (идиш).

85

В то время он занимал пост Председателя Совета Народных комиссаров СССР.

86

«Правожительство» – право на жительство (постоянное проживание) за пределами т. н. «черты еврейской оседлости» в царской России. Евреи, перешедшие в христианскую веру (вне зависимости от конфессии), могли жить где угодно.

87

Раневская ошибается. О запрете пьесы Демьяна Бедного «Богатыри» было сказано в постановлении не ЦК ВКП(б), а Политбюро ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1936 года.

88

Мейерхольд Всеволод Эмильевич (настоящее имя Карл Майергольд; 1874–1940) – советский театральный режиссер, актер и педагог. Народный артист РСФСР (1923). Был художественным руководителем Государственного театра имени Мейерхольда (ГОСТИМ), который закрыли приказом Комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР от 7 января 1938 года с формулировкой: «Театр окончательно скатился на чуждые советскому искусству позиции и стал чужим для советского зрителя». 20 июня 1939 года Мейерхольд был арестован, а 2 февраля 1940 года расстрелян по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР как враг народа.

89

Толстой Алексей Николаевич (1883–1945) – известный советский писатель.

90

В 1913 году Алиса Коонен перешла из Художественного театра, в котором начала актерскую карьеру, в Свободный театр режиссера Константина Марджанова (Марджанишвили), где встретила своего будущего мужа Александра Таирова. Сам Марджанов тоже ушел из Художественного театра, в котором он был режиссером.

91

В июне 1920 года в Петрограде был создан Государственный театр комической оперы, которым руководил Марджанов. В 1922 году Марджанов уехал в Тбилиси, где начал работу по созданию грузинского советского театра.

92

Речь идет о председателе Комитета по делам искусств Платоне Михайловиче Керженцеве (настоящая фамилия Лебедев; 1881–1940).

93

Жена Платона Керженцева Мария Михайловна (1901–1980) работала заместителем директора Камерного театра в 1927–1929 годах.

94

Йом-Кипур («Йом-Кипер» в произношении ашкеназских евреев), или День Искупления, – день поста, покаяния и отпущения грехов в иудаизме. Считается наиболее святым и торжественным днем в году. Согласно религиозным предписаниям, в этот день запрещены работа, все виды увеселений и развлечений, прием пищи, питье, умывание, наложение косметики, ношение кожаной обуви и половая близость.

95

Барен – поиметь в сексуальном смысле (идиш).

96

Вишневский Всеволод Витальевич (1900–1951) – известный советский писатель и драматург, автор популярной в СССР пьесы «Оптимистическая трагедия».

97

Волошин Максимилиан Александрович (настоящая фамилия – Кириенко-Волошин; 1877–1932) – русский поэт, переводчик, художник-пейзажист, художественный и литературный критик.

98

Гусев Виктор Михайлович (1909–1944) – русский советский поэт и переводчик, драматург, сценарист.

99

Книппер-Чехова Ольга Леонардовна (1868–1959) – известная актриса, жена А.П. Чехова. Вся сценическую карьеру провела в Московском Художественном театре.

100

Еврейское проклятие, которое полностью звучит так: «Чтобы ты рос как лук, головой в землю!»

Купить: <https://tellnovel.me/faina-ranevskaya/pis-ma-k-podruge>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)